

РОМАН СУРЖИКОВ

АНТОНОВСКАЯ
ПЛОТЬ

ТОМ II

Полари

Роман Суржиков
Янмэйская охота. Том II

«ИП Головин»

2020

Суржиков Р.

Янмэйская охота. Том II / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2020 — (Полари)

Кто же такой Кукловод? Чего добивается тайный орден? В чем секрет Священных Предметов? Эти вопросы – верхушка айсберга. Ответы на них ведут к иным, более древним и глубоким тайнам. «Янмэйская охота» – четвертая, предпоследняя книга о мире Полари. Детективная линия – череда интриг, загадок и подозрений – достигает развязки. Все тайные силы становятся явными, а все фигуры занимают свои места на той или иной стороне поля. Предстоит великая финальная битва.

© Суржиков Р., 2020

© ИП Головин, 2020

Содержание

Северная птица – 3	5
Стрела – 7	19
Меч – 4	42
Северная птица – 4	53
Стрела – 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Роман Суржиков

Янмэйская охота. Том II

Северная птица – 3

17-20 мая 1775 г. от Сошествия

Уэймар

Два письма прибыли в Уэймар голубиной почтой и ранили душевный покой Ионы, как две стрелы, всажённые в сочленение доспеха.

Первое гласило:

«Милая сестра, благодарю тебя, и еще, и еще. Ни о чем не волнуйся, все сохраню в тайне. Как я понял, Дж. Ив сейчас в Уэймаре. Задержи его, может быть полезен. Выведай, знает ли он, где теперь Хармон. Э».

То была крохотная, легко выполнимая просьба: один приказ кайрам – и сделано. Но Эрвин не знал того, что знала Иона. Джоакин терпеть не мог агатовцев, и в особенности – лично ее, Северную Принцессу. Она поклялась ему, что отпустит на свободу, едва он ответит на все вопросы. Джоакин ответил и был отпущен, и, очевидно, не питает никакого желания вернуться. Кайрам придется привести его в замок силой, а значит, отдав приказ, Иона грубо нарушит свою клятву.

Но могла ли она не выполнить просьбу? В прошлом письме она созналась брату, что вместе с мужем совершила позорную продажу Предмета – и не получила ни слова порицания. Эрвин имел причины презирать ее – но вместо этого, наоборот, поддержал и утешил. «Милая сестра, ни о чем не волнуйся...» А затем просил о сущей мелочи, не требующей никаких усилий. Как откажешь?

Иона вызвала Сеймура:

– Кайр, нужно разыскать в городе Джоакина Ив Ханну, если он еще здесь. Найдя его, уговорите прийти ко мне.

Сеймур повел бровью в недоумении, Иона бросила быстрый взгляд на письмо. Сеймур понял, что получил приказ от самого герцога.

– Будет сделано, миледи.

– Возможно, вы не найдете его. Прошло уже дней десять, и Джоакин мог покинуть город. В таком случае не усердствуйте излишне. Если уехал – не беда.

На это Иона уповала больше всего, ведь тогда ей не придется ни нарушать клятву, ни лгать брату.

– Так точно, миледи.

– А если он все же в городе, задержите его с предельной осторожностью. Джоакину нельзя причинять никакого вреда. Понятно ли это?

– Вполне, миледи.

Он удалился. Иона помолилась Агате за лучшее и безвредное завершение дела – а именно, за то, чтобы Сеймур не нашел Джоакина. Затем она открыла второе письмо.

«Миледи, позвольте дать совет и попросить об одолжении. Некогда я спрашивал об узнике. Мой интерес получил новые основания, и я вынужден вновь просить: раскройте тайну узника, поделитесь со мною. И примите совет: не читайте лично никаких писем! Велите вассалам читать вслух, сами не касайтесь бумаги. О. Давид».

Сердце Ионы жарко забилося. Она с жадностью перечла письмо во второй и третий раз. Святые боги, за всю жизнь Иона не встречала такого средоточия тайн на крохотном клочке бумаги!

Отец Давид – простой священник, не аббат или епископ, – писал лично ей, графине, дочери герцога. Он высказывал просьбу такими словами, будто имел полное право не бояться отказа. Одно это уже составляло загадку. Иона часто беседовала с Давидом во дворце, наслаждаясь его умом, – но неужели это дает ему право просить так настойчиво? Просить о том, о чем уже спрашивал и получил в ответ все, что Иона могла дать. Неужели он надеется, что она проведет целое расследование пропажи узника Уэймора?!

Затем, само содержание просьбы. Тьма, зачем священнику просить именно об этом? Проницательный Давид, конечно, заметил симпатию и уважение Ионы. Он мог выпросить нечто полезное для Церкви: денежную помощь на иконы и скульптуры, ремонт какого-либо храма, приют для паломников или нищих. Вне сомнений, она ответила бы согласием. Так зачем трагитить возможность на такую странную просьбу? Что проку Церкви от этого узника, чья слава – плод обычных суеверий?

И наконец, его предупреждение. «Не читайте лично, не касайтесь бумаги...» Неужели Давид считает, что Иону хотят отравить?! Да, совсем недавно случилась эта жуткая история в поезде, сама Леди-во-Тьме стала жертвою яда. Но между болотницей и Ионой нет никакой видимой связи, а от Фаунтерры до Шейланда – сотни миль. С чего Давид взял, что теперь отравитель покусится на Иону? И какой странный совет: «Велите вассалам читать вслух». Если бумага ядовита, то это – верный способ погубить вассала! Правильное решение – носить перчатки, а не травить собственных слуг.

Загадки воспламенили Иону, разбудили давнюю, детскую жажду приключений. Тем более сейчас, когда жизнь Ионы заполнена сытою скукой, можно ли пройти мимо такой забавы? Ответить отказом – значит, совершить преступление против собственной души!

Сеймур уже умчался разыскивать Джоакина. Иона вызвала кайра Ирвинга, своего второго помощника, и отдала несколько приказов. Первое: отныне всю ее почту будут вскрывать кайры Сеймур или Ирвинг, при этом обязательно надев перчатки.

– Есть причины опасаться яда?! – встревожился Ирвинг. – Миледи, не нужны ли дополнительные меры безопасности? Можем назначить человека, чтобы пробовал ваше питье и пищу.

– Это излишне. Меня предупредили об угрозе от письма. Очевидно, мой недруг находится далеко отсюда.

– Тем не менее, миледи, лучше внимательно следить за кухней и за подачей блюд.

– Хорошо, кайр, устройте это. Но главное – письма. Вскрываете их только в перчатках и читайте мне вслух.

– Зачем, миледи?

– Чтобы я сама видела перчатки на ваших руках. Я волнуюсь за вас.

Но главная причина была в ином. Иона с детства знала: чтобы раскрыть загадку, нужно дословно следовать ее тексту. Упустишь хоть букву – проглядишь разгадку. Отец Давид просил читать вслух – нужно так и сделать, иначе не раскроешь тайны.

– Не извольте беспокоиться, будет сделано. Что-нибудь еще, миледи?

– Запишите и отнесите на голубятню мой ответ: «Святой отец, я рада вас слышать. Сделаю все, что в моих силах. Буду рада новым подсказкам. И.С.Д.»

– Куда отправить, миледи?

– Конечно, туда, откуда прибыла птица.

– Мы этого не знаем. На лапке не было адресного кольца.

– Письмо принес не окольцованный голубь?!

– Да, миледи.

Четвертая загадка! Как Давид надеялся получить ответ, не дав обратного адреса?..

– Отправьте в Фаунтерру, во дворец, – сказала Иона, почти не надеясь на успех. Птица с императорской голубятни точно была бы окольцована. Чтобы правильно отправить письмо, нужно разгадать загадку и понять верный адрес. Чертовски интересно!

– Так точно, миледи.

– И последнее...

Она помедлила. Узнать об узнике Уэймара? Начать расследование?.. Это может расстроить мужа – он вновь ощутит недоверие к себе. Лекарь Голуэрс допустил, что именно узник напугал и свел с ума Мартина. Интерес Ионы к узнику означает, что она не приняла это на веру. И, сказать правду, ее действительно интересовало, чем же простой заключенный мог так напугать лорда!

Но дело не только в Мартине. Дело и в Минерве, которая тоже занималась узником, и, конечно, в загадочном письме Давида. Корона и Церковь жаждут сведений об узнике Уэймара – Великий Дом Ориджин не может стоять в стороне.

– И последнее: сопроводите меня в темницу.

* * *

Любопытное дело: в Уэймарской темнице практически не было тюремщиков. За общий порядок в подземелье отвечал похоронных дел мастер Сайрус. Помогали ему двое парней – один стряпал для заключенных, другой разносил стряпню и убирал в караулах. Имелся также палач-эзекутор, но он появлялся в замке лишь по вызову, то есть – изредка. А регулярную охрану узников осуществляли обычные солдаты из гарнизона замка, причем сменяясь согласно очереди дежурств. На взгляд леди Ионы, то было довольно странно.

Мрачная романтика подземелий с детства привлекала Иону. Она нередко бывала в темницах Первой Зимы и хорошо изучила тамошние порядки. Ни кайры, ни даже греи никогда не стерегли узников – на то имелся ряд причин. Воины считали это дело унизительным. Их понятия о чести создавали риск: в темницах попадались и женщины, и юноши, и старики; благородство могло толкнуть дежурного кайра на глупость. Чередование вахтенных солдат – тоже опасность: попадись среди всех многочисленных дежурных хоть один падкий на деньги... Гораздо надежней (хотя и дороже) – содержать отдельную бригаду тюремщиков, которая занималась бы только узниками, и ничем иным.

Виттор решил сэкономить, – поняла Иона. Из бережливости разогнал тюремщиков, заменив их регулярными солдатами. Тем лучше для Ионы: легче будет узнать о знаменитом узнике. Если вахты постоянно чередуются, то, значит, все старые солдаты гарнизона в свое время стерегли эту мрачную личность. Кто-нибудь да расскажет что-то ценное.

Леди Иона поручила опрос Ирвингу. Тот справедливо рассудил, что простые солдаты побоятся откровенничать с офицером кайров, и перепоручил дело нескольким греям из числа самых болтливых и добродушных, потому располагающих к себе. Греи пропустили молодняк и принялись расспрашивать тех солдат графа Виттора, кто служил в гарнизоне больше четырех лет. Дело пошло как по маслу. Чтоб развязались языки шейландских воинов, хватало кружки эля, а то и просто северной военной байки. «Да что ты говоришь – у вас в Ориджине! У нас и покруче бывало. Вот послушай: сидел в темнице один узник...» Каждый второй ветеран гарнизона охоч был поболтать про идова слугу, а каждый первый если и молчал, то лишь от суеверия: не поминай Темного Идо – беду накличешь. Случалось даже такое: кого-нибудь пропускали в опросе, но он сам подсаживался к северянам и заводил: «Вы про чертова узника любопытствуете? Так вам никто не расскажет верней, чем я. Поставьте кружку – такое услышите!»

Но радость Ионы была преждевременной. Все рассказы ветеранов оказались до смешного противоречивы. Узник сбежал при старом графе – нет, уже при молодом. Стену выло-

мал голыми руками – нет, прочел заклинание, и стена рухнула. Вышел из замка через главные ворота, ставши невидимым, – нет, прошел прямо сквозь толщу земли и вынырнул далече за городом. Был тот узник старым дворянином – нет, молодым мужиком – да нет, говорят вам, то была девица! А корень всех противоречий оказался прост: никто из ветеранов лично не видал узника. Никто, ни один! Все знали о нем только понаслышке, да не из первых рук.

Кое-в-чем, правда, рассказы сходились. Посадили узника в темницу еще при старом графе, спустя год после Дара. Сбежал он в шестьдесят девятом году (не зря девятка – дурное число). Или до смерти графа, или после – неясно, но точно в шестьдесят девятом. Камера узника была замурована камнем, однако он разрушил стену. Выйдя в коридор, убил двоих стражников, а затем исчез. Да, исчез. Кроме тех двоих, никто его в замке больше не видел.

Эти сведения отнюдь не утолили, а лишь разожгли любопытство Ионы. Она знала о секретном лазе из подземелья, потому понимала путь побега. Но как он выломал стену из камеры, как убил стражников? Голыми руками? После двенадцати лет в темнице он был, поди, слабее кошки! Оружием? Откуда взял? Затем, куда он делся после побега? Графская погоня легко настигла бы узника, ведь граф знал схему тайного хода. Но этого не случилось. И почему столь разноречивы все показания? Да, последние свидетели убиты, но до них другие дежурные должны были стоять на страже. Отчего ж никто ничего не знает точно?

– Я вижу еще одну странность, – отметил кайр Ирвинг. – Он убил двоих при побеге. Но что там делали два стражника? Они дежурят в караулке у выхода, а камера того узника – в самом глубоком и дальнем коридоре.

– Возможно, принесли пищу?

– А зачем ему бежать как раз во время кормежки? Правильно исчезнуть уже после нее – тогда долго не хватятся.

– Быть может, прибежали на звук, когда узник выломал стену?

– Возможно, миледи, – ответил Ирвинг с явным сомнением.

В секретере леди Ионы с прошлой осени хранилась пачка листов, исписанных аккуратным девичьим почерком, – дневник Минервы Стагфорт. На пару с Ирвингом леди Иона внимательно перечла листы, посвященные визиту в подземелье. Минерва узнала ровно то же, что теперь было известно Ионе: разрушенная стена, убийство голыми руками, бегство через тайный ход. Еще какая-то дверь, отделяющая камеру от некоего коридора...

– Миледи, – сказал Ирвинг, – ее величество весьма смутно описала взаимное расположение объектов. Позвольте мне самому провести разведку в темнице.

– Я пойду с вами, кайр.

Иона дождалась, пока Виттор уедет в управление банка. Тогда отперла его кабинет и вместе с Ирвингом спустилась в подземелье по секретной лестнице. Открыв потайную дверь, они попали как раз в ту часть темницы, где содержался узник. Едва ступив на грунтовый пол темницы, Иона содрогнулась всем телом.

Было темно и сыро. Но в любом подземелье так; ни тьма, ни сырость не стоят упоминания. Пахло плесенью и влажным грунтом – но в какой темнице пахнет иначе? Потолок, казалось, давил на макушку. Тоже невелика невидаль: в Первой Зиме Иона встречала каменные мешки, рассчитанные на лежачего пленника; встречала даже такие, в какие она – девушка – помещалась с трудом. А здесь – коридор; пригнув голову, можно шагать...

– Мне стало не по себе, – призналась Иона.

– Позвольте, я выведу вас.

– Не тревожьтесь, вытерплю. Но это странная темница, здесь есть нечто особенное... скверное.

Ирвинг осветил коридор. Увидел вбитый в стену крюк, повесил фонарь. Усмехнулся, снял фонарь, подналег всем телом – и выдернул крюк из стены. Обратный конец его, естественно, был заострен.

– Загадка с оружием решена, миледи. Никаких голых рук.

Иона не была столь уверена. Она взяла у Ирвинга фонарь и прошла вдоль коридора – в одну, в другую сторону. Коридор имел пять ярдов в длину. Справа он кончался тупиком – точнее, замаскированным входом в туннель, ведущий к логову Мартина. Слева упирался в железную дверь, непонятно зачем установленную. Как и писала Минерва, на двери имелся засов, с помощью которого можно отгородиться от всей остальной темницы. За шаг до двери в левой стене коридора зияла черная дыра – бывшая камера идова узника. Мороз пошел по спине, Иона с трудом заставила себя заглянуть туда. Из дыры шел противоестественный холод – тот самый, от которого Иона дрожала всем телом.

В свете фонаря предстала камера: угрюмая нора с каменными стенами и грунтовым полом. Лежанкой служила земляная ступень вдоль стены, отхожим местом – яма в глубине камеры. Больше ничего тут не было, лишь груда камней от передней, разрушенной стены. Иона видела подобные норы и с живыми узниками, и со скелетами. Здесь же не было, в сущности, ничего устрашающего: пустая нора, да и только. Но Иона дрожала все сильнее, фонарь плясал в руке, свет шарахался по стенам.

– Позвольте, миледи.

Кайр отнял фонарь. Вступив в камеру, внимательно осмотрел лежанку и пол, заглянул в отхожую яму.

– Здесь действительно был узник, притом давненько.

Ионе казалось: узник был здесь минуту назад. Обернись – увидишь его за собою. Она сделала шаг назад, вжалась спиной в безопасную стену.

Ирвинг поднял несколько камней, оценил их размер, поднес близко к фонарю. Затем сложил полдюжины камней один к другому, стараясь, чтобы они идеально совпали. С исключительным вниманием осмотрел обращенные в камеру грани.

– Странное дело, миледи: вся стена разрушена до основания, можно свободно войти и выйти. Если пленник ломал стену голыми руками, почему не выцарапал только четыре камня? Этого хватит, чтобы вылезти. Кроме того, на камнях нет следов крови. Хоть бей их, хоть ногтями царапай – останется кровь. А ее нет.

Иона не сумела говорить ровно:

– Ч-чем это об-бъяснить? Стену ломали м-магией?

– Либо чем-то тяжелым, миледи. Если узник сумел извлечь один камень, то мог им выбить остальные. Но не понимаю, зачем крушить всю стену, а не пробить узкий лаз. И еще одно...

Ирвинг подошел к железной двери – той, что перегораживала коридор. Закрыв ее, задвинул засов. Ударил плечом что было силы – обшитые железом доски даже не пошатнулись.

– Отличная крепкая дверь.

Иона не поняла, на что намекал воин. Она мучительно хотела выйти, но стыдилась своего малодушия.

– А теперь проверим кое-что, – сказал Ирвинг, поднял большой камень и размаху бросил на грудь.

Громкий, но глухой звук угас в сырой темени норы. Воин вновь поднял камень – и швырнул в железную дверь.

Тьма холодная! От ржавого грохота Ионе перехватило дух. Она впиалась пальцами в ворот платья, силясь ослабить, вдохнуть. То не был страх, а именно – холодная тьма. Ворвалась в легкие и заморозила дыхание.

Ирвинг, увлеченный своею догадкой, не заметил страданий госпожи. Он распахнул дверь и ждал, вглядываясь в темень коридора. На отдалении слышались шаги, мелькнул отблеск огня – лишь тогда Ионе стало чуть легче.

– Видите, миледи, – усмехнулся Ирвинг.

Показался солдат с факелом, следом за ним – мастер Сайрус. Солдат не выказал ни капли удивления:

– Здравия желаю, миледи, здравия и вам, кайр. Как вы стали интересоваться узником, так я и ждал: придете поглядеть.

Похоронный мастер, однако, был бледен. Излишне громкий его голос выдавал только что пережитый испуг.

– Счастье, что это вы, миледи. А то слышу гвалт и думаю себе: неужто он самый вернулся? Я бы вовсе не шел сюда, но надо ж проверить. Непорядочек же...

– Я удовлетворила любопытство, – выдавила Иона. – Судари, выйдемте во двор.

С каждым шагом прочь от камеры ей становилось спокойней. Наверху полуденное солнце ударило в глаза. Иона зажмурилась, подставив лицо лучам. Полной грудью вдохнула свежесть и свет, и весну. Тьма стала медленно таять в ее груди.

Тем временем кайр приступил к расспросам:

– Мастер Сайрус, вот с тобой-то мы еще не беседовали. Ты ведь давно служишь в замке, еще со времен старого графа?

– Как есть, со старого. Только вступил в погребальную гильдию – в том же году и попал на службу к графу. Случилось тогда помереть бургомистровой теще. Градоправитель, знамо, тещу не сильно жаловал, потому денег пожалел, поручил похороны молодому мастеру – мне, то бишь. А на похоронах случился гостем сам граф Шейланд. Как увидел мое творчество, так чуть не прослезился от восторга. Говорит: «До чего же ты все душевненько устроил!» Я отвечаю: «Во всяком деле порядочек должен быть, а в похоронном – перво-наперво». Его милость тогда: «Идем ко мне в замок, гарнизонным похоронщиком служить». Я отвечаю: «Отчего не пойти? С великим удовольствием! Хоронить – милое дело, лишь бы только покойники имелись в достатке». А граф только-только войну окончил, у него по мертвецкой части не наблюдалось дефицита.

– Будет хвалиться! Скажи лучше: ты видел пресловутого узника?

Мастер Сайрус осенил себя двукратной спиралью:

– Защити меня Глория! Кабы я его видел – разве стоял бы перед вами?

– Как же ты мог его не видеть?

– Весьма просто, раз уж он не помирал. Если б он благочинно преставился в темничке, то согласно порядку непременно попал бы в мое ведение. Но этот черт умудрился сбежать живехоньким!

– Ты не только похоронщик, но и смотритель подземелья. Должен был...

– Извиняюсь, никоим образом. В должность смотрителя темницы я вступил уже позже, когда прежний смотритель изволил окочуриться. Сия оказия случилась под конец девятого году, этак между Изобильем и Сошествием. Узник раньше убог.

– А стражников видел, убитых узником?

Сайрус вновь сотворил священную спираль.

– Как не увидеть, если они померли! И сквернейшим образом померли, доложу я вам. Жуткое дело, когда покойничек такой вид имеет. Глянешь – душа содрогнется. Один, значит, лежал прямо перед разрушенной камерой, и была у него голова назад вывернута. Вот как есть: лицо в сторону спины глядит, а шея скручена винтом! Намучился же я с ним, чтоб голову поставить в божеское положение. А второй сидел в тупичке, спиной к стене прислонясь – видать, убежал от душегуба, влип в тупик и наземь сполз. Этот был вроде как задушен: глаза выпучены, язык распухший изо рта вывалился – ужас! Язык-то я уложил в надлежащее место, а глаза пришлось монетками накрыть, иначе больно жутко смотрелись.

– Была ли кровь возле мертвых тел?

– Боги спасите, куда еще кровь-то! Там и без нее смотреть жутко!

– Точно не было?

– Ульяной Печальной клянусь!

– А дверь была заперта?

– Дверь? Какая-токая дверь?

– Железная, что тупичок отгораживает от всей темницы.

– Знамо, не заперта! Как бы я попал туды, если б дверь на засове?

– Не помнишь ли, мастер, когда и зачем ее установили?

– Дверь-то? Для порядочку: есть коридор – должна быть и дверь, чтоб его загораживать.

Чтоб не ходили здесь всякие, кто не должен. А когда? Вот этого не скажу, увольте. Я ведь еще не был смотрителем темнички, в нижний круг редко захаживал. Одно знаю: еще при старом графе дверь поставлена. Молодому она уже наследством досталась.

– Хорошо ли ты помнишь тех погибших стражников?

– Прекраснейшим образом! Коли желаете, идемте на погост, покажу погребальные колодцы. Имена, правда, запамятовал, но это не беда: они и на могилках написаны, и в моем похоронном журнале.

– Пока они были живы, ты с ними общался?

– Не так, чтобы особенно. Они, изволите видеть, нелюдимые были и больно угрюмые. Я знавал покойников повеселее, чем эти живые.

– Назовешь ли кого-нибудь, кто с ними дружил? Может, из солдат гарнизона?

Мастер Сайрус озадачился:

– Зачем бы этим двоим дружить с солдатами? Солдаты – одно, тюремщики – другое. Из разных мисок едят, разный эль хлебают.

– Смеешь мне лгать?! Тюремщики берутся из солдат гарнизона!

– Это теперь так, а при старом графе было иначе. В темнице тогда служили пятеро: четверка тюремщиков и главный смотритель. Ну, и палач захаживал, но этот сам по себе. Вот из тюремщиков, значит, двоих узник на Звезду спровадил, смотритель сам своим чередом представился, еще один по пьяни беркицнул с пирса и утоп. Остался последний, имя помню странное – Лард. Вот этому Ларду одиноко сделалось, он и ушел со службы. А молодой граф увидел, что все тюремщики израсходовались, и передал темницу в другие руки. С тех пор стерегут ее солдатики, а за порядком следит кто? Верно, мастер Сайрус.

– Знаешь, где Ларда найти?

– Где-то в Холодном Городе обретается. Говорят, плотником стал. Сумел пристроиться в гильдию, ведь имел таланты к работе с деревом. Помню, помогал он мне гробы строгать – не гробы, а куколки выходили, жаль в землю закапывать.

– Благодарим тебя, мастер. Возьми на кружку ханти, – воин дал Сайрису несколько агат. – Скажи еще вот что. Узник сбежал при старом графе или уже при молодом? Солдаты с этим путаются, а мы хотим ясности.

Сайрус уважительно кивнул:

– Порядочек нужен, это да. И я вам его обеспечу путем сообщения, что старый граф изволил отойти за месяц до бегства узника.

Воин гарнизона, до сей поры выражавший полное согласие со словами мастера, теперь возмущенно вмешался:

– Не говори, чего не знаешь. Сначала узник убег, а уж потом его милость помер!

– Это ты молчи, солдатик. Совсем в делах смерти не разбираешься. Поди, спящего от усопшего не отличишь! Когда отошел его милость, стояла большая жара. Была аккурат середка лета, недавно Софьины отгуляли. А узник убег, когда уже яблони плодоносили. Я с того дерева, что у южной башни, мешок яблочек для жены набрал. Тут позвали бегом в темницу к мертвым стражникам, пока я с ними возился – яблочки мои кто-то уволок.

– Все ты путаешь, – усмехнулся солдат. – Как раз на Софьины узник убег! Тут бы с девками гулять – а хрену пожуй, из-за побега отпуска отменили и вахты удвоили. А его милость

помер опосля, молодой граф в честь траура всем по елене раздал. Я бабе своей чулки купил – той самой, которая обиделась, что я на Софьины не вышел.

Солдат и мастер могли еще долго препираться, но кайр положил этому край.

– Сайрус, ты ведешь учет смертей. Ступай и выпиши из книги даты смерти графа и тюремщиков. До вечера выписку – мне.

Сказал – как рубанул. Охота к словоблудию у Сайруса отпала, он рванулся исполнять приказ. Именно тогда леди Ионе впервые захотелось самой задать вопрос. Все, о чем спрашивал кайр, было важно и любопытно, но Иону беспокоило другое. Неведомо откуда пришла мысль – и билась, билась в голове, словно дикая птица, влетевшая в жилище человека.

– Будьте добры, мастер, ответьте мне. Как умер старый граф?

Сайрус склонил голову, потер подбородок, закатил глаза, оживляя в памяти картины.

– Ваша милость, дело вот как было. Жаркий вечер стоял, а за ним – жаркая ночь. Замок до поры сохраняет прохладу, но если солнце шкварит несколько недель, он прогревается весь насквозь, и тогда уж спасу нет. Пытаюсь я уснуть – а не спится. Верчусь, маюсь, воды выпью, окно открою – все духота мучает. Хоть в темницу к безличностям иди – там прохладно. И вот уж за полночь вроде кое-как задремал, но хрясь – стук в дверь. Дворецкий мне: «Бегом в кабинет его милости!» А сам белый, как сугроб. Ну, я оделся и туда. Захожу в кабинет – там уже лекарь и оба графских сына. А его милость сидит в кресле и в стенку глядит. Сидит боком к двери. Я вхожу – и первым делом ничего плохого не подозреваю. Говорю: «Здравия вашей милости, явился по приказанию». Он сидит, голову не повернет. Тогда я думаю: отчего же он в стену смотрит? Рядом два его сына, лекарь еще, да я вот пришел, а он глаза впери́л в панель. Непорядочек! Подхожу ближе: «Вашей милости дурно?» И тут вижу лицо – мать честная! Глаза стеклянные, челюсти сжаты, губы белые – покойник! Я на колени: «Ваша милость, что же вы изволили! Как же мы без вас!..» И лекарь говорит: «К великой жалости, сердце графа Шейланда не вынесло яростной жары. Свершился приступ, приведший к скоропостижной смерти». Тогда мы взялись за него, чтоб на кровать перенести, а поднять не можем: пальцы бедняги вцепились в подлокотники. Это перед смертью судорога бывает: все мышцы сжимаются, да так и каменеют. Лорд Мартин ему пальцы разжал, а лорд Виттор глаза закрыл: «Прощай, отец». Так вот он умер, несчастный. А через месяц еще и узник убег. Скверный был год, девятка – дурное число.

* * *

Город Уэймар стоит на большом холме. Маковку занимает графский замок, глядящий бойницами на все стороны света. Южный склон холма сходит от замка к берегу Дымной Дали. На нем змеятся опрятные улочки, террасами стоят дома городской знати, судовладельцев, купцов, а ниже – моряков и мелких торговцев. Этот склон зовется Теплым Городом, поскольку в безоблачные и безтуманные дни он озаряется солнечными лучами. В противовес ему северный склон – Холодный Город – вечно накрыт тенью холма и замка. Здесь селится ремесленный люд, да открывают свои погребки многочисленные уэймарские трактирщики. Земля ценится дорого у подножия замка и дешевет по мере спуска, потому верхние дома липнут друг к дружке, а нижние стоят все более привольно, и в полумиле от замка настолько редуют, что даже обзаводятся огородами. Появляются хлева и курятники, бродят по улицам свинки, гогочут гуси. К северной своей окраине Уэймар почти превращается в село, сохраняя единственную городскую черту: дома в два этажа.

В этой части города обретается плотницкая гильдия, преуспевающая всегда, а сейчас – особенно. Весна и лето – лучшее время для строительства: и погода позволяет, и деньги в город текут рекою через оттаявшую Дымную Даль. Тут и там ставятся новые дома, втискиваясь в

простенки между старыми или растягивая город дальше на север. А где строительство – там и плотники.

Шестерке кайров, которых Иона взяла с собою, пришлось немало попотеть, чтобы разыскать старейшину гильдии: он метался по делам, приглядывал за пятью большими стройками в одночасье. Но как только старейшина был найден, дальше пошло легко. Глава гильдии сразу вспомнил Ларда: ага, хороший парень, с руками. Взяли его подмастерьем согласно традиции, заведенной в гильдии: если просится подмастерьем отставной вояка – дать ему преимущество против молодняка. Это дань уважения графским солдатам, которые полвека назад спасли весь город от набега медведей. Правда, Лард был не воин, а тюремщик, но тоже служака из замка и тоже с оружием, так что его приравнивали. За четыре года вышел из подмастерьев в мастера – в кратчайший срок, допускаемый уставом. Это потому, что дело крепко знает. Где-то натренировался еще до гильдии – говорит, гробы строгал. Где найти его? Да вон, пятый квартал налево – там строится дом для младшего почтмейстера.

Иона и кайры пришпорили коней, чтобы поспеть до заката. Примчались вовремя – работа еще шла полным ходом, и Лард был на месте: правил брус рубанком. Был он рыжим коренастым мужиком, ничем особенно не приметным, отвернешься – забудешь, однако крепким, как дуб. Из таких и выходили лучшие тюремщики; странно даже, что бросил службу – по внешности ему в страже самое место.

Ирвинг переспросил нескольких работяг, убедился, что нет ошибки, и кликнул Ларда. Тот вышел на улицу, утер лоб рукавом, отряхнул перчатки от стружки.

– Чем могу служить, господа?

– Ты плотник Лард? – спросил Ирвинг.

– Да, милорд.

– Раньше был тюремщиком Лардом?

Он зыркнул исподлобья. Медленно стянул перчатки – кажется, лишь затем, чтобы выиграть время.

– Ну, да.

– Знаешь уэймарского узника?

– Там их много было, – с расстановкой вымолвил Лард. – Который интересуется?

– Тот, что убил двух тюремщиков при побеге. Тот, которого зовут идовым слугой.

Лард осунулся на глазах: руки повисли, ссутулились плечи. Выронил перчатки – и даже не заметил. Долго молчал, а затем спросил:

– Дадите с детишками попрощаться? Тут недалече, две улицы...

Иона не поняла. Ирвинг понял прекрасно, но не дал ответа.

– Ты видел узника?

– Так я и знал, что он из ваших. Он после войны возник. Ваши ушли – он остался. Надо было дальше уехать... но куда ж от вас уедешь?

– Ты видел узника? – жестко повторил Ирвинг.

– Не видел. Хотя вряд ли вы поверите.

– Не поверю.

Лард тяжело вздохнул.

– Да... Я скажу, как было, а дальше вам решать. Одно прошу: домой пустите, хоть на час. А потом уж...

– Подбери сопли, – рыкнул Ирвинг.

– Правда такая: я его не видел. Когда приносил еду, в окошко не заглядывал. Фонарь опускал, чтоб свет в камеру не шел. Чувствовал, что так лучше... А занимались им только Килмер и Хай, иногда помогал Багор. Я – нет.

От простого слова «занимались» по спине Ионы пробежали мурашки.

– Килмер и Хай – это те два тюремщика, которых он убил?

– Да.

– И как же так вышло, что они узником «занимались», а ты в сторонке стоял? Что, не про тебя дело? Шибко благородный?

– Приказу не было. При мне с ним уже не работали, только кормили раз в день.

– При тебе?

– Ну, когда я служил.

Ирвинг указал на солнце, что скатилось к западному горизонту и вышло из-за Замкового холма. По-вечернему спокойное, оно больше не слепило глаз, и можно было разглядеть его диск – огромный, багряный и будто примятый с краю.

– Видишь солнце?

– Да, милорд.

– Ясно видишь?

– Да.

– Вот и говори так же ясно, как солнце светит. Тогда, быть может, обнимешь детишек.

Лард зачистил, вцепившись в ниточку надежды:

– Узник-то возник после войны – ну той, которая за Предметы. Сперва пришли закатники, потом ваш герцог их прогнал. Потом приехал в гости владыка с принцем и много всякой знати: Нортвуды, Альмера... А когда все разъехались и еще чуток прошло времени, в замке появился узник. Сначала его держали в башне, как благородного. Этак год спустя перевели в темницу, и тогда-то им занялись. Крепко охаживали его, несколько лет кряду. Не знаю, как и выдержал. А потом старый граф к нему остыл. Плюнул, отменил все, сказал просто держать в темнице и кормить. Вот тогда я и попал сюда на службу, а все предыдущее только слышал от Килмера с Хаем.

– Не врешь?

– Никак нет, милорд.

– Что Килмер и Хай о нем рассказывали?

– Они мало говорили. Не только про него, а вообще. Врачные были, не подступись. Только от косяхи слегка распускали языки. Говорили, что узник – не человек, а черт. Говорили: от такого, что они с ним проделали, человек бы или помер, или умом повредился. А этот выжил и зажил; а умом он изначально тронутый был. Я им не шибко-то верил, но... таким голосом они говорили, что сложно совсем не послушать. Решил я на всякий случай никогда не глядеть на узника. Ни разу за все годы в окошко не посветил, и слова ему не сказал. А он мне однажды сказал целых два.

– Когда? Какие?

– Хорошо помню: за день до его побега был мой черед кормить. Я подошел к оконцу, сунул туда лепешку, а прям на нее каша насыпана – это чтобы без лишней посуды. Взял с оконца пустой бурдюк. Мы узнику кружек не давали, чтоб он не разбил и осколком стену не ковырял. Воду давали в бурдюке, узник когда выпивал – пустой бурдюк назад выкладывал. Вот я взял, стал из кувшина наливать, и тут слышу голос: «Повезло тебе». С протяжкой, по-змеиному: «Пооовезззло тебее». Это впервые за годы! Я испугался, бросил ему бурдюк и убежал. Что имелось в виду – понял день спустя. Повезло мне, что мое дежурство сегодня, а завтра – Килмера.

– Значит, по очередности в день побега дежурил Килмер?

– Да, милорд.

– А что в темнице делал Хай?

– Не имею понятия.

– Говоришь, ничего твердого вы не давали узнику? Было ему чем процарапать стену?

– Только ногтями. Ну, или зуб себе выбить.

– Чего Килмер и Хай добивались от узника?

– Мне не говорили. Может, и сами не знали. Бывает такое, что парни делают дело, потом отходят в сторонку, а вопросы уже кто-то другой задает.

– Кто – другой?

– Почему знать? Может, кастелян, может, сам граф. Не при мне это было.

– Откуда взялся этот узник – Килмер с Хаем говорили?

– Нет, милорд. Точней, даже говорили, что не знают.

– А как его хоть звали?

– Никто не ведал. Как его парни не охаживали, он не признался.

– Тогда с чего ты решил, что он – наш?

– Появился, когда ваши тут были... Да и кто, кроме северянина, может быть таким крепким?

Ирвинг ухмыльнулся:

– Тут ты прав, тюремщик. Скажи последнее: что было раньше – граф умер или узник сбежал?

В отличие ото всех прочих, Лард не колебался:

– Сначала случился побег, а неделю позже почил граф Винсент. Когда убили Килмера с Хаем, я изрядно струхнул. Хотел просить графа, чтоб уволиться со службы, но все не мог к нему попасть. Из-за побега офицеры свирепели, все вахты были удвоены, ворота заперты, гарнизон стоял в боеготовности. А графу Винсенту нездоровилось, сидел в своих покоях и во двор почти не показывался. Так и не смог я его повидать до самой его смерти.

– А со смертью графа не было никаких причуд?

– Нет, милорд. Конечно, тут вам лучше его сыновей спросить... Но то, что знали со стороны, все было чисто. Граф умер в своем кабинете, изнутри запершись на ключ. Когда его хватились, пришлось дверь ломать. Графа Винсента Ульяна забрала на Звезду – ей-то запертые двери не помеха.

– Ясно, – сказал Ирвинг. – Ну и будет с тебя.

Повернулся, чтобы помочь Ионе сесть на коня. Лард не сразу поверил счастью:

– Значит, я... могу идти?

Иона подала ему пригоршню монет:

– Купите гостинцев детям и простите нашу жесткость.

На обратном пути стало ясно, что в замок до заката не успеть – а потому и спешить уже некуда, к ужину в любом случае опоздали. Иона пустила коня неспешным шагом, чтобы звон подков не мешал говорить. Правда, она не знала, что сказать, в голове все путалось. Зато Ирвинг оказался хорошим помощником в расследовании – наблюдательным, вдумчивым. Сеймур Стил был суров и прямолинеен, склонен рубить, а не размышлять. Иона радовалась, что взяла с собой не его, а Ирвинга.

– Что вы думаете, кайр?

– Со смертью графа Винсента, похоже, действительно все чисто. Записи Сайруса совпадают со словами Ларда: узник сбежал неделю раньше, значит, он тут не при чем. А вот с самим узником – загадка на загадке.

– Перечислите их?

– Конечно, миледи. Вот первая: зачем Килмер и Хай явились в нижний край темницы? Положим, Килмер мог принести узнику пищу – но все равно неясно, как же он попал точно в миг побега. А Хай вовсе не должен был дежурить – так откуда взялся?

– Я не знаю ответа, – сказала Иона.

– Вторая загадка: орудие побега. Узник не мог процарапать ногтями целую каменную стену. Даже с помощью Темного Идо – все равно. Чтобы высадить ее, он использовал орудие. Но какое?

– Быть может, он смог вывернуть один камень, и им выбил остальные? Вы сами так говорили.

– Говорил, но сомневаюсь. Камень – неудобное орудие, им сложно долбить. Поленился бы он ломать всю стену, выколотил несколько булыжников – и полез.

– Полагаю, ваша правда, – признала Иона.

– Третья загадка: орудие убийства. Выглядит так, будто узник действительно уложил стражников голыми руками. Но тогда он владел особенной, нелюдской силой – из простого человека двенадцать лет в каменном мешке выжали бы все соки. И самое странное: он был в себе абсолютно уверен. Видите ли, миледи, узник не запер дверь. Она тогда уже имелась, и времени хватало запереть, пока тюремщики шли на звук рухнувшей стены. Но узник просто стоял и ждал. Даже не взял никакого орудия – не выдернул крюк из стены, не поднял камень. Стоял и ждал Килмера – опытного головореза – чтоб голыми руками свернуть ему шею.

– Он ждал этого еще накануне, – добавила Иона. – Сказал Ларду: «Повезло тебе», стало быть, знал уже тогда, что остальным стражникам не повезло.

– Верно, миледи. Единственный возможный ответ на эту загадку звучит паскудно: Темный Идо действительно дал ему силу.

Иона промолчала. Подобное говорил в столице отец Давид, и она ответила: «Я не верю в то, что Темный Идо лично является в наш мир». Но чем дальше, тем меньше оставалось доводов против.

– И еще одна загадка, миледи: почему его не изловили? Ясно, что он сбежал тайным ходом. Старый граф знал схему хода и был еще жив. Мог послать солдат по горячему следу – нагнали бы, схватили. Однако нет.

– Возможно, солдаты настолько боялись узника, что постарались его не догнать.

– Возможно, миледи, – согласился кайр.

Некоторое время ехали молча по темной улице, взяв огонь на замковой башне за маяк. Иона думала о мертвом графе Винсенте. Виттор очень уважал отца, говорил о нем, как о мудрейшем наставнике, от которого перенял всю жизненную науку. Должно быть, и старый граф гордился сыном – столь успешным своим учеником. Имелся зазор в одну неделю между побегом и смертью графа. Не успел ли граф рассказать сыну, что за пленник сбежал?..

Не доезжая трехсот ярдов до замка им пришлось остановиться: поперек улицы стоял экипаж. Северяне только вывернули из-за угла и уперлись в него, будто в стену. Вокруг темно, сплошняком стоят дома, двери и ставни – наглухо. Засада!

За мгновение кайры окружили Иону, подняли щиты и обнажили мечи. Сама она, повинаясь даже не слову, а взгляду Ирвинга, выпрыгнула из седла, встала между своим конем и кайровым, защищенная от выстрелов с флангов. Ирвинг простер щит над ее головой. Отряд изготовился, ожидая атаки.

Удивительно: на крышах домов, где удобней всего разместиться стрелкам, не виделось и тени движения. Двери тоже не спешили распахнуться и выпустить на улицу вражеских воинов. Единственное шевеление наблюдалось в экипаже, преградившем дорогу: двое седоков спорили с возницей.

– Я говорю вам, сударь: нас ждут!

– А я вам отвечаю, молодой господин: не могут вас там ждать в такое время. Все накрепко закрыто, ворота на засове, стук-грюк. Будем ломиться – по шапке получим. То бишь, я получу, я-то не барин, в отличие от вас.

– Но мы уже почти доехали, отчего ж не попытать счастья?

– Да оттого, молодой господин, что там на мосту не развернешься. Вы постучите, выйдет солдатик, огреет меня древком, скажет: «Разворачивай!» А как я вывернусь, коли тесно? Лучше уж здесь, пока есть ширина.

– Право слово, вы – воплощение упрямства! Но не надейтесь, сударь, переупрямить меня. Я заплатил и требую!

– Сомерсет, прошу тебя! Быть может, он прав? Не лучше ли нам заночевать в гостинице и приехать засветло, как подобает?

– И ты туда же! Святые Праматери, до чего меня утомила эта дорога!

Трое были так увлечены своей перепалкой, что даже не заметили шестерку всадников во главе с Ионой. Поначалу кайры подумали, что спорщики нарочно отвлекают внимание, пока другой отряд заходит с тыла. Сосредоточили взгляды на улице позади себя, но вскоре убедились, что она пуста. В радиусе полета стрелы вокруг имелись только три человека – эти в экипаже.

– Вот скажите мне, любезный мастер коня и телеги, зачем же вы подрядились везти нас в замок, если наотрез не желаете там появляться?

– Молодой лорд, я ж вас при посадке еще предупредил: на Коловоротском спуске может быть затор. Вы сказали: «Ехай!» – я и поехал. На Коловоротском был затор, вот мы и простояли до закрытия ворот, а теперь уже в замок не попадешь.

– Я положительно теряю терпение! Вы предупредили о заторе, но не о том, что не пустите нас в замок!

– Но это ж всякому понятно: затемно в замок не попадешь. Коль зазевался – все, завтра приходи. Надо было через Липовую ехать, там бы может успели. А на Коловоротском завсегда заторы.

– С меня хватит, сударь! Сейчас же правьте к замку, иначе я за себя не ручаюсь!

– Сомерсет, милый, прошу тебя! Это все так пусто и мелко, не стоит твоих волнений...

– Нет уж! Ручаюсь именем, сегодня мы попадем в замок! Смотрите, властелин оглобель: я имею личное приглашение от графа Шейланда!

Молодой человек взмахнул неким конвертом перед носом извозчика, но тот лишь пожал плечами:

– Отраднo иметь приглашение от самого графа, но еще ж нужно, чтобы стражник на воротах захотел прочесть сию бумагею, да не только захотел, а еще и смог.

Убедившись в полном отсутствии опасности, леди Иона подошла к экипажу.

– Господа, я невольно подслушала часть вашей беседы и хочу предложить помощь. Если желаете попасть в замок именно сегодня, я могу посодействовать.

Сомерсет сорвал с головы шляпу и отвесил Ионе галантный поклон.

– Премного благодарен за помощь, добрая леди, однако я не прошу себе, если вам придется потратить время и свернуть с пути из-за упрямства этого неотесанного мужлана.

– Не тревожьтесь, сударь: я и сама направляюсь в замок.

– Стало быть, вы тоже имеете приглашение от графа?

– К сожалению, нет.

– Однако уверены, что вам откроют ворота?

– Абсолютно.

– Позвольте узнать, на чем зиждется ваша уверенность?

– Она подтверждена неоднократным опытом.

Молодой человек издал победный смешок в сторону извозчика:

– Ха-ха! Видите вы, чемпион среди упрямых ослов: леди впускают в замок даже без приглашения! Что уж говорить о нас, званых гостях самого графа!

Затем он вновь поклонился Ионе:

– Миледи, меня зовут Сомерсет Патриция Клеона рода Елены, рожден в Сердце Света, но прибыл из Фаунтерры. Назовите и свое имя, чтобы я вспоминал его с горячей благодарностью!

– Леди Иона София Джессика рода Светлой Агаты.

Сомерсет выронил шляпу. Извозчик (раньше догадавшийся, с кем имеет дело) усмехнулся в усы. А девушка – кроткая спутница Сомерсета – прижала руки к груди жестом самой искренней сердечности.

– Я так много, много слышала о вас! Мое имя Нексия, леди Нексия Флейм.

Стрела – 7

Первое заседание верховного суда Империи Полари

17 мая 1775 г. от Сошествия

Здание Палаты, Фаунтерра

Подобного процесса столица не видела двадцать лет. Айден Альмера избежал суда; Сибил Нортвуд была судима за закрытыми дверями. Оба они обвинялись всего лишь в заговорах, притом неудачных. Другое дело – Менсон, убийца императора! Жители столицы требовали гласности – и получили ее. Дворяне были допущены на зрительские балконы зала заседаний и заполнили их наглухо, яблоку негде упасть. Мещан не подпустили к Палате ближе, чем на сто ярдов, однако глашатаи оповещали их о каждом событии в зале суда. «Голос Короны» принял решение печатать по выпуску каждый день работы Палаты. Станции волны ежечасно отправляли известия в соседние земли – Альмеру, Надежду, Южный Путь. Суд над царевубийцей стал не самым важным событием года, но вне сомнений, самым громким.

Коллегию составляли восемь членов верховного суда Империи. Председательствовал грозный судья Альберт Кантор, прославившийся после Шутовского заговора. Тогда Менсон избежал карающей длани Кантора: владыка Телуриан помиловал брата, чтобы сделать придворным посмешищем. Теперь Менсон все же предстал перед верховным судьей.

Коллегия разместилась на сцене зала Палаты, за императорским столом. Слева от него поставили скамью ответчика; справа – скамью истца. Перед судебским столом, у подножия помоста отвели место для выступления свидетелей. Все участники судебной драмы, как актеры, были прекрасно видны из любого конца зала.

Минерва с секретарями и Ребеккой Литленд перекочевала в партер и расположилась в первом ряду, как раз перед местами Ориджина.

Заседание началось с представления действующих лиц. Были названы имена и титулы восьми членов судебской коллегии, а также секретаря суда, роль которого выполнял в данном случае Дориан Эмбер. Истцом выступала Корона в лице императрицы Минервы и лорда-канцлера Ориджина. Представителем Короны в суде – обвинителем – являлся Марк Фрида Стенли, вновь назначенный глава протекции. Ответчиком выступал, конечно, лорд Менсон Луиза Виолетта, дядя и шут покойного владыки Адриана. Когда затих возмущенный гул, встретивший имя царевубийцы, секретарь задал Менсону вопрос:

– Милорд, сообщите нам имя вашего советника. Присутствует ли он в зале?

Вопрос носил формальный характер: секретарь и лорд-канцлер, и владычица прекрасно знали, что Менсон отказался от услуг законников.

– На кой черт мне советник? Сам знаю, что делать.

– Милорд, – переспросил Эмбер, – вы отказываетесь от права на помощь, данного вам по закону?

– Сам упр-рравлюсь.

Альберт Кантор, председатель суда, недовольно кашлянул.

– В виду важности данного заседания никакие отклонения от процедуры недопустимы. Суд настаивает, чтобы ответчику был предоставлен советник.

Менсон вперил в судью насмешливый взгляд:

– Тебе нужен советник – ты и бери. Может, ты без совета портки надеть не можешь. А мне не требуется.

– Суд предупреждает ответчика о возможном наказании за грубость. Суд настаивает, чтобы советник ответчика присутствовал на заседании.

Эрвин понял причину настойчивости главного судьи. В прошлый раз Менсон выскользнул из-под топора палача, и сейчас судьи твердо решили исправить ошибку. А для этого слу-

шание должно пройти идеально, строго по букве закона, чтобы не дать ни малейшей зацепки для апелляций.

Однако Менсон был тверд в своем отказе:

– Зачем мне советник? Я сам могу сказать, что невиновен! Не нужно изучать законы, чтобы быть невиновным!

Председатель отрезал:

– Заседание не состоится без советника. Если ответчик не выберет сам, то суд назначит ему советника.

В этот момент из зала Палаты раздался кашель – низкий и увесистый, привлекающий внимание. Лорды обернулись на внушительный звук. Король-сновидец Франциск-Илиан поднялся со своего места:

– Господа, я хотел бы стать советником обвиняемого. Если никто не имеет возражений.

Возникло понятное замешательство. Король в качестве советника на суде!.. И не только король, а еще и пророк!

Председатель Кантор осторожно возразил:

– Имеет ли ваше величество должные знания законов? Располагает ли судебным и юридическим опытом?

Франциск-Илиан огладил бородку.

– Что я знаю о законах?.. Бывало, я их придумывал, издавал, переписывал. Бывало, отменял, если выходили слишком неудачными. Не раз присутствовал на заседаниях, временами – в качестве судьи. Лгать не стану: иногда сидел только для виду, но чаще – с толком. Обучал законам своего сына, однажды дал ему подзатыльник Юлианиным кодексом. Не горжусь этим поступком, но имел и такой опыт.

Сновидец умолк, уверенный, что сказал достаточно.

Судья Кантор покосился на Минерву, Ворон Короны – на Эрвина. Оба задали один и тот же безмолвный вопрос: искать ли зацепок, чтобы дать отвод шиммерийцу? Мими пожала плечами, Эрвин развел руками.

– Ваше величество, суд принимает вас в качестве советника обвиняемого, – изрек Кантор.

Франциск-Илиан двинулся к скамье ответчика, но тут раздался возмущенный крик Менсона:

– Эй, куда! Я-то еще не согласился! Скажи, чем ты мне поможешь?

– С божьей помощью скажу что-нибудь умное.

– А я, значит, ничего умного не могу? Коль шут, так уже и дур-ррак?

– Ты скажешь умное, я тоже. Две умных мысли лучше, чем одна.

– Сомневаюсь я в тебе. Больно носишься со своими снами...

– Посмотри на дело вот как, – предложил пророк. – Я много изучал писание, и встретил слова: «Не мешай тому, кто желает помочь». Я желаю помочь тебе. Зачем мешаешь?

Менсон рассмеялся:

– Ага, так это тебе нужно! Перед богами выслуживаешься! А я прогнуться должен?

– Ты мне задолжал. Я тебя всю дорогу поил вином, а ты не расплатился.

– Справедливо... – Менсон нахмурил брови. – Но все ж не убедил. Добавь еще.

– Помнишь, в Нэн-Клере, во дворце королевы я сказал, что ты невиновен? Позже я об этом поспорил с лордом Дарклином, поставил сто эфесов. Если вместе выиграем – отдам половину.

Шут оскалился:

– Дарклин меня ядом напоил, каналья... По рукам!

Пророк занял место рядом с шутом, и Дориан Эмбер, наконец, объявил заседание открытым.

– Обвинитель, зачитайте предъявляемые обвинения.

Ворон Короны поднялся, отвесил низкий поклон в адрес владычицы и заговорил с необычно для него серьезностью:

– Досточтимые милорды и миледи. От имени Короны, Блистательной Династии и ее величества Минервы я заявляю следующие обвинения. Менсон Луиза Виолетта рода Янмэй Милосердной обвиняется в убийстве Адриана Ингрид Элизабет рода Янмэй Милосердной, императора Полари. Согласно нашим подозрениям, на рассвете двадцать второго декабря минувшего года в окрестностях замка Бэк упомянутый Менсон Луиза нанес владыке Адриану удар искровым кинжалом, в результате коего владыка отошел на Звезду. Кроме того, Менсон Луиза Виолетта обвиняется в вассальной измене. Фактическое содержание данного преступления сводится к упомянутому выше удару кинжалом, нанесенному собственному сеньору. Помимо того, Менсон Луиза Виолетта обвиняется в бегстве от правосудия. Совершив деяния, со всей очевидностью преступные, и будучи объявлен в розыск, обвиняемый не сдался представителям власти, а покинул центральные земли и скрывался в неустановленных местах на протяжении четырех месяцев.

– Прошу слова, ваша честь, – вмешался пророк.

– Слово принадлежит обвинителю, – возразил судья Кантор.

– Я готов выслушать его величество, – согласился Марк.

– Благодарю вас. Сударь Марк, вы сказали: «Совершив деяния, со всей очевидностью преступные». Может, я стал слеповат, но пока не заметил доказательств ни деяний, ни преступлений. И еще одно словечко пролетело мимо уха: вы говорили «милорд» или нет? Наш дорогой ответчик является лордом, в отличие от вас.

– Признаю правоту вашего величества. Я намерен предоставить суду доказательства того, что именно ответчик – простите, лорд ответчик – совершил все названные деяния. Прошу суд начать рассмотрение дела с первого обвинения – убийства.

Ворон Короны поклонился суду и владычице и сел на место. По залу прошел возбужденный шепоток: многие презирали Менсона и жаждали его крови, а подобные обвинения не допускали иного наказания кроме казни. Смертной казни особо назначенным способом, если говорить точно. Бедный шут...

– Суд готов начать рассмотрение первого обвинения, – заявил председатель. – Но прежде, согласно процедуре, ответчику дается право ответить на обвинения. Менсон Луиза Виолетта, желаете ли высказаться?

Менсон поднялся, глуповато почесал затылок (видимо, пришибленный давешним камнем).

– А что говорить-то?

– Что желаете, то и говорите. Суд вас не ограничивает.

– Грудь у меня чешется, – доверительно сообщил Менсон. – И пузо тоже. Дрянь какая-то насыпалась за пазуху и свербит как каналья.

Он расстегнул сюртук, сунул пятерню и смачно поскреб собственное брюхо. В зале послышались смешки.

– Ох, хорошо! – выдохнул Менсон. – И еще в башке звенит. Мне один пес на площади так засветил камнем по черепу, что теперь не мозги, а колокольня.

– Это не относится к делу, – отрезал судья Кантор.

– Еще как относится! Я от звона и дело-то не слышу! Вижу: этот каркает что-то. Ясно, плохое – хорошего от него не дождешься. Но что именно – поди разбери. Слышишь, Ворон, ты хоть в меня клювом нацелься – авось, поймаю пару слов.

Смешки стали громче, к ним примешался ропот возмущения.

– Обвинитель, будьте добры, повторите обвинения для ответчика.

Марк повернулся к Менсону, повторил отчетливо и громко. Шут выразил понимание: при каждом обвинении сделал подходящий жест.

– Убийство, ага... – махнул рукой с невидимым ножом.

– Сбежал, во как... – гулко потопал ногами.

– Измена, угу... – повернулся к суду спиной и повиллял ягодицами.

И смешки, и ропот усилились. Франциск-Илиан дернул Менсона за рукав и что-то шепнул. Председатель суда остался невозмутим:

– Теперь, когда вы уразумели суть обвинений, желаете ли ответить на них?

– Уууу, ответить... – шут помедлил, чеша затылок. Франциск-Илиан попытался подсказать ему, Менсон отмахнулся: – Да брось, я и себя-то не слышу, а тебя подавно... Ответить, говорите? Я со слов Ворона выхожу ууух каким злодеем! Пожалуй, отвечу: благодарр-ррю за комплимент! И убил, и предал – ай, молодец! Теперь мятежники в почете, а я так вообще цареубийца – можно мне титул какой-нибудь? Можно, я буду шут-канцлер?

Неожиданно для себя Эрвин рассмеялся.

– Ничего не имею против, милорд! И тем не менее: вы признаете себя виновным?

– Вот прицепились, пиявки!.. – буркнул шут и звякнул бубенцами. – Нет, невиновен я.

В чем другом – да, много в чем. Но в том, что Ворон каркал, – нет!

– Стало быть, сударь, вы отвергаете обвинения?

– Нет!

– Не отвергаете?

– Тьфу, заразы, запутали! Да, отвергаю. Я не убивал, я не предавал, я не убегал! Тр-ррижды нет! Во как.

– Желаете ли привести какие-либо аргументы в свою защиту? Возможно, изложить свое алиби?

– К чертям арг-ргументы! – брезгливо каркнул Менсон. – Вам недостаточно моего слова? Клянусь честью шута – я невиновен!

Довольный собою, Менсон ляпнулся на скамью. Пожалуй, ничего хуже он сделать не мог. Отказаться от слова или сослаться на потерю памяти, или признать одно обвинение, отбросив остальные – это давало бы какие-то шансы. Но Менсон отверг все, а Ворон вывалит кипу улик и непременно докажет хоть что-то – тогда Менсон выйдет лжецом и получит все три обвинения.

Король-пророк сразу понял тяжесть ошибки. Быстро поднялся и обратился к председателю:

– Я хочу сказать от имени ответчика.

– Ответчик уже сказал сам за себя.

– Как известно лекарям, умственно больной человек не осознает своей хвори и потому не может говорить о ней.

Судьи посовещались меж собою и вынесли решение:

– Слово дается советнику обвиняемого. Говорите, ваше величество.

Франциск-Илиан развел руками, обведя жестом весь зал:

– Милорды и миледи, все мы знаем: лорд Менсон Луиза не обладает здоровым умом.

Унизительная и комичная роль шута, силою навязанная ему, так впечаталась в его душу, что именно она теперь руководит Менсоном, а не трезвое суждение и здравая мысль. Мы слышали речи Менсона – это несуразные и грубые насмешки, каких ждут от паяца, а не ответчика в суде. На голове его – колпак, столь же нелепый в высоком зале Палаты. Лорд Менсон цепляется за свое шутовство, поскольку на протяжении долгих лет подвергался жестокому воспитанию: будь шутком – либо страдай и умри. Мы видим перед собою несчастного сломленного человека, хворого душою и рассудком. Суд над таким обвиняемым противен и законам Праматери Юмин, и самой человечности.

На протяжении монолога Менсон всем своим видом выражал согласие: тряс головой, издавая звон бубенцов, вываливал язык, лизал кончик бороды и бил себя в грудь: «Хотите увидеть безумца? Смотрите на меня!» Однако речь пророка не пришлась по душе судьям. Члены коллегии зашептались меж собою, ища законной зацепки, чтобы отказать в медицинском освидетельствовании.

Заговорил председатель Кантор:

– Если человеку хватило ума, чтобы выжить при катастрофе поезда, совершить убийство и скрыться от полиции, то вряд ли можно звать его безумцем... – бросив быстрый взгляд на Мими, он продолжил: – Однако принципы Праматери Юмин святы. Я назначу медицинскую оценку ответчика, в зал суда будут приглашены лекари.

Ворон Короны поднял стопку листов с какими-то рисунками:

– Ваша честь, предвидя вопрос о невменяемости, я подготовил небольшой опыт. Позвольте мне показать эти рисунки ответчику.

– С какой целью?

– Ваша честь, цель станет очевидна в ходе опыта. Ручаюсь, что она имеет прямое отношение к данному вопросу.

– Что изображено на рисунках? Не содержат ли они чего-либо вызывающего и провокационного?

– Ваша честь, это просто портреты людей. Вы их тоже увидите впоследствии.

Судья дал согласие, и Марк поднес Менсону рисунки.

– Скажите, кого вы тут видите?

Менсон фыркнул:

– Ясное дело, это мой отец!

– Кто угодно узнает собственного отца, – отметил пророк.

Марк перевернул страницу:

– Что скажете об этом человеке?

– Надел бы колпак – поумнел бы.

Пророк, тоже видевший рисунок, улыбнулся в бороду. Марк подал Менсону новый лист:

– Милорд, кто на этой странице?

– Змея вползла в постель.

– А здесь?

– Кабан, у которого убавилось сала.

– Благодарю вас, а здесь?

– Умная кицка с короткими лапками.

– А на этой?

Менсон ухмыльнулся:

– Монах заскучал, сбежал из кельи искать приключений.

Пророк старался хранить серьезность, но глаза его смеялись. Марк, весьма довольный собою, отвесил поклон:

– Благодарю вас, лорд Менсон.

И передал листы с рисунками членам коллегии:

– Теперь прошу вас, господа судьи: осмотрите портреты и сопоставьте с ответами обвиняемого.

Под шорох страниц на лицах судей проступили улыбки, из пары уст вырвались смешки.

Ворон задал вопрос:

– Господа судьи, ощущаете ли вы комизм прозвищ, данных Менсоном людям на портретах?

Несколько судей позволили себе усмешки, однако председатель ответил сурово:

– Я не допущу насмешек над высокородными господами. Юмор обвиняемого груб и бескультурен.

– Несомненно, груб, однако смешон ли? Ответьте, ваша честь.

– Воспитанный человек отвергает грубость и не задается вопросом, смешна ли она.

– А если бы тот же самый смысл был выражен более мягкими словами?

– Суд рассматривает лишь факты, а не условные возможности.

В их диалог вмешалась Минерва:

– Господа, позвольте мне взглянуть! Я смогу оценить, смешны прозвища или нет.

– Ваша честь, суд готов доверится мнению владычицы?

Председатель коллегии развел руками и поклонился императрице. Марк поднес ей листы. Привстав за ее плечом, Эрвин разглядел рисунки. В колпаке стал бы умнее владыка Телуриан. Змеею вползла в постель императрица Ингрид. Сала убавилось у кабана Мориса Лабелина (здесь Эрвин не сдержал смеха). Коротколапой кицкой оказалась Мими, а монахом в поисках приключений – Франциск-Илиан.

Мими сказала с кисловатой усмешкой:

– Как бы ни хотелось мне иметь лапы подлиннее, но прозвища действительно забавны.

Пророк отметил:

– Вот об этом я и вел речь. Шутовство не оставляет ответчика даже в серьезнейший момент. Его поведение не сообразно реальности.

– Напротив, ваше величество, в высшей степени сообразно! Мы видим улыбки на лицах судей и лорда-канцлера, и самой императрицы! Юмор ответчика ясен столь умным персонам – стало быть, он адекватен. Шутка смешна лишь тогда, когда отражает долю правды. Не подметив подлинных черточек, нельзя смешно пошутить над человеком.

Минерва и судьи, и Эрвин выразили согласие. Однако Франциск-Илиан не собирался сдаваться.

– Ваша честь, давеча я видел у лорда Менсона одну вещицу – он носил ее при себе. Где она может быть теперь?

– Личные вещи ответчика, кроме одежды, изъяты при аресте.

– Если вас не затруднит – прошу, принесите их.

По приказу судьи Кантора пристав внес и поставил перед пророком шкатулку. Франциск-Илиан взял из нее стеклянный пузырек.

– Лорд Менсон, вы подтверждаете, что пили из этого пузырька в течение девятнадцати лет?

– Гм... да.

– Думаю, и многие придворные в зале смогут это подтвердить. А теперь, сударь Марк, я очень прошу вас: выпейте жидкость из пузырька и сообщите нам, как себя чувствуете.

– Гм, – сказал Менсон.

Южный король протянул руку, и Марку ничего не осталось, как взять пузырек. Он выдернул пробочку, понюхал, попробовал каплю языком. Сделал один осторожный глоток.

– Гм-гм, – сказал Менсон.

– Зелье возымеет действие примерно через пять минут, – объявил пророк. – Мы увидим, какие метаморфозы произойдут с уважаемым обвинителем и задумаемся, может ли сохранить ясный рассудок человек, потреблявший это зелье не раз, и не два, а много лет подряд, ежедневно.

– Гм-мммм! – замычал Менсон и яростно щипнул пророка за ягодицу.

Марк допил жидкость, развел руками и с картинным поклоном сообщил:

– Милорды и миледи, кристально чистая вода!

– Что?.. – выронил пророк.

Менсон закатил глаза, будто дивясь его глупости.

– Если я говорю тебе «гм», то это ж не просто так. Будто мне делать нечего, кроме гмыкать. Как прихожу в суд, так и гмыкаю без конца!.. Ну да, там вода. Ты б знал, если б меня спросил.

Зал огласился смехом. Южному королю стоило труда сохранить самообладание.

– Лорд Менсон, вы утверждаете, что не пьете эхиоту?

Судья Кантор строго вмешался:

– Процедура не предусматривает допроса обвиняемого своим же собственным советником. Однако вопрос представляется суду важным, потому суд задаст его от своего имени. Лорд Менсон Луиза, вы утверждаете, что не принимаете эхиоту?

– Неа. Надоела она мне.

– Как давно вы перестали принимать?

– Кто ж его знает... – Менсон потер затылок. – А, нет, вспомнил! Когда Телуриан помер – вот когда! Ульяна забрала этого надутого зануду, и я подумал: надо как-то отметить. Хороший же день, отпраздновать бы! Вылил к чертям всю эхиоту, а вместо нее налил в пузырьки воды. Никто и не заметил – как зануда помер, всем стало плевать.

– После этого вы не испытывали пагубной тяги к эхиоте?

– Испытывал, было дело. Первое время сильно елозило... Но ничего, я себе нашел средство. Как припечет – так вспомню брата-покойника. Если не хватает воспоминания – иду в галерею, смотрю его портрет при коронации: он там чуть не лопаётся от важности, забавный такой. А потом в другую галерею, гляжу другой портрет – посмерртный. Лежит мой братик чин по чину, пуговицы застегнуты, глазки закрыты... Тут-то меня смех разбирает. Говорю ему: «Видал: ты уже там, и жена-гадюка твоя там же, а я еще тут! Живу себе, здравствую, жру в три горла». Посмеюсь – и эхиоты больше не хочется. Со временем вовсе отвык.

– Стало быть, со дня смерти владыки Телуриана вы не принимали эхиоту?

– Неа, ни разу. Имел только одну задумку – хотите, скажу?

– Если это относится к делу.

– Ну уж не знаю, как относится, но приятно. Хотел однажды в день поминовения поехать в Прощание, спуститься в фамильный склеп, хлебнуть хорошенько эхиоты – и помочиться на братову могилку. Пускай своего зелья поппрррбуует! Жаль, так и не удосужился – каждый год что-то отвлекало...

Возмущенный гул прошелся по Палате. Эрвин улыбнулся шутке Менсона, но подумал: зря он унижает Телуриана, ох зря. В этом суде такое не простится.

Председатель сурово изрек:

– Ваши намерения кощунственны и преступны, лорд Менсон. Впрочем, суд одобряет вашу честность: теперь отпали сомнения в вашей вменяемости, и вы ответите за злодеяния по всей строгости закона.

Пророк обратился скорее к залу, чем к суду:

– Господа, большинство из вас вхожи ко двору уже не один год. Неужели вы не помните, сколь жалок и болен был шут владыки? Неужели отрицаете, что все, как один, звали его безумцем? Можно ли утверждать, что настолько безумный человек полностью вернул рассудок? Мне неведомы случаи подобного исцеления.

Судья Кантор возразил:

– Ни суд, ни тем более лорды Палаты не обязаны доказывать факт исцеления ответчика. Это вы, советник, должны доказать факт его невменяемости, если намерены сослаться на нее. В данный момент суд не видит ни одного доказательства безумия лорда Менсона. Процесс продолжится без поправки на невменяемость. Считаю данный вопрос закрытым.

Судейская коллегия посовещалась несколько минут, и председатель объявил:

– После перерыва мы приступим к вопросу о моральном облике обвиняемого.

Ворон Короны встревожился:

– Ваша честь, как представитель истца, я прошу начать процесс с обвинения в убийстве. Оно является ключевым для всего дела.

– Суд согласен с вашей оценкой, – кивнул председатель, – однако считает нужным начать с морального облика.

– Ваша честь, всем в этом зале и без того известен моральный облик обвиняемого. Так стоит ли тратить время ее величества и высоких лордов на рассмотрение ясного вопроса?

– Именно потому, что в зале присутствует императрица, мы не имеем права ни на какие вольности. Ответчиком является дворянин. Моральный облик должен быть рассмотрен.

– Ваша честь, обвинитель не готов сегодня представить материалы по данному вопросу.

– Обвинитель и не обязан исследовать моральный облик ответчика. Согласно правилам, суд сам взял на себя труд подготовить материалы, каковые и представит после перерыва.

Едва начался перерыв, Ворон с кислою миной подошел к Эрвину.

– Что еще за моральный облик? – воскликнул герцог. – Откуда он взялся в деле?

– Его там и нет, милорд. Это частая практика в имперских судах: если обвиняется аристократ, то суд имеет право оценить его нравственность и соответствие нормам дворянской чести. Унизительнейшая процедура: на свет вытащат всю грязь, с обвиняемого стянут исподнее, вывернут наизнанку и дадут понюхать всем желающим.

– И дворянство допускает подобное?!

– Сия экзекуция применяется избирательно – к тем несчастным изгоям, кого дворянство не станет защищать, либо к личным врагам Династии. По сути, это не судебное действие, а часть наказания. В данном случае – месть судей за Телуриана.

Минерва, слушавшая беседу, теперь вмешалась:

– Мне думается, Менсон до дна испил чашу унижения. Можно отменить этот ужас?

– Я пытался, ваше величество.

– А если я сама обращусь с просьбой к суду?

– Лорды заподозрят вас в пристрастности. Враги Менсона будут возмущены, а таковых здесь...

Марк обвел красноречивым жестом всю Палату.

– Возможно, хоть советник Менсона сумеет что-то сделать?

Эрвин глянул на скамью обвиняемых. Франциск-Илиан и Менсон беседовали о чем-то, безмятежно глядя в зал. Казалось, никто из них не испытывал и капли тревоги.

– Пропадет, дурачина, – выдохнул Марк.

– Ваше величество, лорд Ориджин, – раздался над ухом басовитый голос. Басовитый и скрипучий – узнаваемое сочетание.

– Я к вашим услугам, лорд Лабелин.

– Я лишь хотел выказать уважение к вашим успехам в деле правосудия. Пойман истинный убийца владыки – прекрасное достижение!

На «истинном» стояло многозначительное ударение.

– Благодарю вас, милорд.

– Надеюсь, протекция сумеет отыскать и истинного отравителя Леди-во-Тьме. Это ведь тоже случилось в поезде. Возможно, виновник – тот же Менсон? Может, таков его преступный почерк – вершить злодеяния в поездах?

Столь явный выпад требовал острого ответа, однако Эрвин растерялся и не нашел слов. Мими пришла на помощь:

– Я дважды навещала Леди-во-Тьме и не услышала от нее ни слова о ядах. Убеждена, что королева Дарквотера – земли колдунов и отравителей – первой сумела бы распознать яд!

– Ваше величество, буду я искренне рад, если покушение на Леди-во-Тьме – всего лишь плод иллюзий. Вот только странно: отчего ни сам лорд-канцлер, ни его доблестные вассалы не допущены в имение Леди-во-Тьме?..

Не дожидаясь ответа, путевец отвесил поклон и удалился.

– Он распустит слух по всей Палате, – проскрипел Эрвин.

– Ни капли сомнений, – кивнула Мими.

– Тьма сожри, Марк, когда вы найдете мне этого чертова отравителя?

Ворон развел руками – мол, я-то здесь, в суде.

– У вас полтысячи подчиненных!

– И всех их не очень-то жалуют в имении болотников. Мы допросили кого смогли и разобрали вагон по винтикам. Вагон – безопасен, как колыбель, в нем даже муха не сдохнет. Свидетели как один твердят: невозможно отравить Леди-во-Тьме. Ее пищу пробуют придворная ведьма и жало криболы, оба – знатоки ядов. На пальце королевы – перстень с грибком-ядоискателем: он, якобы, источает резкий запах, если касается отравленной жидкости. А главное, сама королева восемь лет изучала ремесло криболы – в смысле, разные способы послать человека на Звезду.

– То ж было в молодости. Может, она забыла уроки?

– Вы знаете, милорд, что у Леди-во-Тьме имеется дочь. Они рассорились настолько, что старуха выгнала дочь из Дарквотера и лишила всех наследных прав. А дочь поселилась на Фольте и шесть раз подсылала к матери убийц. Все покушения бесславно провалились.

– Может, седьмое достигло успеха? В том проклятом поезде.

– А может, милорд, Леди-во-Тьме просто заболела? С пожилыми людьми случается.

– Заболела в ту единственную ночь, когда ехала со мною вместе? Найдите парня, который поверит в это. Если ему окажется больше пяти лет, я дам вам эфес!

– Милорд, а вы точно ее не... того?

Мими хихикнула, Эрвин пронзил Ворона взглядом. Тот поднял ладони:

– Шучу, шучу!

* * *

После перерыва началось избиение.

Суд вызывал весьма уважаемых свидетелей – таких, как министр путей, первый церемониймейстер, епископ собора Всемилости, баронет Дориан Эмбер и гвардейский капитан Уитмор. Отвечая на вопросы судей, они вспоминали всевозможные проступки Менсона. Председатель вел опрос умным и губительным порядком. Сперва свидетелям предлагалось вспомнить смешные, почти невинные проделки: как Менсон высмеивал дворян, паясничал на приемах и балах, несуразным поведением вызывал у всех неловкость. Но следующая группа вопросов вытаскивала на свет события давние, унижительные и мерзкие. Менсон слизывал с паркета разлитую эхиоту; Менсон обмочился, испугавшись фанфар; Менсон бегал по дворцу голый с торчащим стержнем – ловил служанку. Поначалу лорды Палаты спокойно посмеивались, теперь стали кривиться в гримасах отвращения. Разумеется, все понимали причину унижений шута, но не выказывали сочувствия. Янмэйский дворянин, бывший первый адмирал Короны снимает штаны и делает кучу под лестницей, не добежав до уборной, а потом носится кругами и орет: «Она дымится, дымится! Вот это я горячий парень!» Какова бы ни была причина, противно слушать такое.

Но дальше стало еще хуже. Суд попросил каждого свидетеля назвать самое острое воспоминание, связанное с Менсоном, и лорды услышали несколько историй.

В день поминальной службы по Телуриану шут пробрался к алтарю, отхаркался и сплюнул на портрет комок зеленых соплей.

В день военного парада Менсон рассовал по карманам фунт конского навоза и стал кидать в знаменосцев, пользуясь их неподвижностью. Прежде, чем его остановили, успел попасть одному точно в рот. Знаменосец не стерпел, бросился на Менсона – и был изгнан из гвардии за несдержанность.

У одной придворной дамы имелся кот, весьма неприятный Менсону. Шут поймал кота и подвесил за яйца. Не метафорически, а в самом прямом смысле. Кот орал, дама орала, Менсон хохотал – дескать, эти двое вопят одинаково. Кончилось трагично: резко дернувшись, кот оторвал себе орган и побежал по дворцу, заливая залы кровью – пока не упал замертво.

Один секретарь решил посмеяться над Менсоном и выхватил у него эхиоту (случилось еще в те дни, когда шут изнемогал без снадобья). Менсон поступил внезапно: вместо того, чтобы клянчить, прыгнул на секретаря и стал кусать. Он отгрыз бедняге нос и изжевал обе щеки.

В праздник Сошествия шута попросили рассказать историю о Праматерях. Пьяный, как сапожник, он начал: «Однажды потаскуха, клуша-наседка и сука-волчица...» Из дальнейшего рассказа стало ясно, что речь идет о Мириам, Софье и Агате.

Здесь даже Эрвин, прежде сочувствовавший Менсону, ощутил желание оторвать ему язык. Об остальной Палате и говорить нечего: вместо недовольного ропота раздавались громкие крики, лорды требовали жестокого приговора. А основное слушание еще даже не началось!

Франциск-Илиан бился изо всех сил. Говорил о безумии Менсона – суд вычеркивал это из протокола, поскольку безумие не доказано. Объяснял его проступки эхиотой – тщетно, многие проделки случились уже в годы без снадобья. Просил сострадания к больному и раздавленному человеку – суд и лорды выказывали лишь омерзение. Наконец, пророк говорил, что нравственность не так важна, и скверный человек все равно способен на добрые поступки. Скажем, король Ольгард, основавший Династию Янмэй, был интриганом и картежником, а лорд Лаймон, открывший Шиммери, – несусветным развратником. Лорды просто отказались слушать – никто не желал развенчания славных имен.

Тогда пророк сделал нечто неожиданное. Задумчиво огладил бороду, слегка кивнул самому себе, будто приняв решение, и изрек:

– Что ж, милорды, я вижу лишь один разумный выход: предлагаю немедленно признать ответчика виновным.

Все шепотки мигом угасли, в зале повисла тишина.

– Ваше величество, – отметил судья Кантор, – слушание еще не состоялось.

– Но главное-то уже ясно. Лорд Менсон – ужасный человек, законченный негодяй. Очевидно, что именно он совершил все преступления. Учитывая его злодейскую природу, он просто не мог воздержаться от убийства. Ваше величество Минерва, господа судьи, прошу вас: сберегите силы и время, признайте лорда Менсона виновным!

Кантор нахмурился:

– Господин советник, боюсь, вы не вполне осознали свою задачу. Вы должны давать советы, которые помогут ответчику.

– Я так и поступаю, – Пророк хлопнул Менсона по плечу. – Друг мой, я советую тебе немедленно сознаться во всем и просить владычицу о помиловании. Нет смысла в пустых спорах. Все уже знают, что ты злодей, так стоит ли упорствовать? Сдайся и получи милость от ее величества.

– Процедура не предполагает... – начал Кантор, но тут же был прерван пророком:

– Какая процедура может помешать человеку сознаться и облегчить душу? Какой суд может запретить императрице проявить милосердие? Поверь, друг Менсон: это единственный выход для тебя!

Прежде, чем шут сказал что-либо, Минерва подняла руку:

– Господа, я прошу слова... Можно сейчас, да?.. Благодарю вас. Мне не по душе происходящее. Возможно, я ошибаюсь, но мне думалось, суд не должен ставить цели ни казнить, ни помиловать ответчика. Главная задача суда – мне кажется – выяснить правду и добиться справедливости. Мы собрались, чтобы узнать, убил ли лорд Менсон владыку, а не затем, чтобы услышать деланное признание и напыщенное помилование. Более того, помиловав Менсона сейчас, пока его вина не доказана, я унижу его – не так ли?.. – Вдохнув поглубже, она посмотрела прямо в глаза пророку: – Ваше величество, при всем уважении к вам, я прошу вас избегать провокаций.

Она села, и Эрвин испытал сильное желание погладить ее по плечу. Пророк поклонился Минерве:

– Я признаю правоту вашего величества. Приношу извинения.

Он также сел, довольный собою. Несмотря на кажущийся провал, он добился своего: показал абсурдность обвинений на основе «морального облика» и положил конец судейскому издевательству. Судье Кантору не оставалось ничего иного, как перейти к слушанию по существу. Однако он припас для Менсона еще один удар.

– Ваше величество абсолютно правы, говоря о необходимости постичь истину и получить ясную картину. Именно потому суд позволит себе занять еще десять минут вопросом морального облика и дополнить картину весьма важным штрихом. С позволения вашего величества, я проведу опрос еще одного свидетеля.

Минерва не нашла причин для отказа, и председатель объявил:

– На место свидетелей вызываются капитан гвардии Шаттэрхенд и бывший лакей Вимас.

Капитан вышел на сцену весьма озадаченный – было ясно, что причина вызова ему неясна. Вимаса вывел на место судебный пристав; Вимас явно знал причину и идти не хотел. Эрвин удивился: лакей?.. Верховный суд порою выказывает недоверие к свидетелям лишь потому, что те – мужицкого сословия. Все прошлые свидетели были отобраны из высшего слоя дворянства, откуда теперь взялся простолюдин?

Суд задал Вимасу несколько обычных вопросов: как зовут, какого сословия, какую службу выполнял. Лакей отвечал очень тихо, робея и краснея пред лицами лордов. Судья Кантор требовал: «Говорите громче». Добившись от свидетеля хоть сколько-то внятной речи, судья задал вопрос:

– Прислуживали ли вы во дворце Пера и Меча в прошлом году, в день летнего бала?

– Да, ваша честь.

– Видели ли вы тем днем Менсона Луизу, придворного шута, ныне обвиняемого?

Судья указал на ответчика, но лакей не посмотрел туда, а покраснел.

– Да, ваша честь.

– При каких обстоятельствах?

– Я в-видел его много раз... – промямлил лакей, пытаясь отвертеться. Тщетно, разумеется.

– Я говорю о том случае, когда вы не только видели его, но и имели близкое касательство.

Имел место такой случай?

– Д-да, ваша честь...

– Расскажите о нем суду.

Лакей повертелся, ища спасения. Капитан Шаттэрхенд подбодрил его, хлопнув по плечу. Вимас тихо заговорил:

– Я шел, значит, по коридору, а шут сидел на подоконнике и читал что-то. Сильно щурился – не мог разобрать. Я ему сказал: «Если желаете, принесу свечу». Тогда он схватил меня, значит, за камзол, втащил за портьеру, и поцелв...

– Громче, будьте добры!

– Ну, поцеловал.

- В губы?
- Да, ваша честь.
- Что произошло потом?
- В-ваша честь... я не могу... при владычице и лордах...
- Ее величество и высокие лорды прежде всего заинтересованы в истине! Говорите немедленно, не боясь смущения.
- Ну, шут... он... развязал мне штаны и засунул руку...
- В штаны?
- Да, ваша честь.
- И что же?
- Он схватил меня за... понимаете... за него. И стал...
- Лакей покрылся пунцовыми пятнами и умолк. Капитан Шаттэрхенд вмешался:
- Да ничего он не стал, ваша честь, ибо не успел. Тут как раз я проходил мимо, услышал возню за шторой, решил проверить. Заглянул – увидел непотребство и пресек все это. Шут сильно злился и кричал: «Я еще не кончил». Но я его оттащил силою.
- Вы подтверждаете, капитан, что непотребство имело место?
- Боюсь, что да. Чтобы Менсон служанкам за корсеты совался – это бывало. Но чтобы мужчине и прямо в штаны – конфуз, ваша честь.
- Конфуз? Вы намеренно используете столь мягкое слово?
- Ваша честь, я помню, Менсон тогда был нетрезвый. По пьяному делу чего не вытворишь. Был в моей роте один ординарец...
- Речь не об ординарце, а о шуте Менсоне и его несправедном отношении к мужчинам. Скажите, капитан, вы слышали высказывание, будто Менсон любил владыку Адриана?
- Конечно, ваша честь. Я и сам так говорил.
- Почему вы так говорили, капитан?
- Потому, что это правда. Шут, когда только мог, крутился около владыки и смотрел с обожанием. Он и в том злосчастном поезде мог не оказаться – он ведь шут, а не генерал, в походы ходить не обязан. Но поехал, чтобы вместе с владыкой.
- А допускаете ли вы, капитан, что любовь Менсона к владыке Адриану имела вовсе не целомудренный смысл?
- Я никогда так не думал! Допустить подобную мысль – запятнать честь владыки!
- Суд вовсе не предполагает, что владыка отвечал на чувства Менсона. Напротив, суд высказывает допущение – внесите это в протокол сугубо как гипотезу – что владыка отверг несправедную любовь шута. Что могло стать причиной мести последнего.
- Это был первый миг, когда смешливая гримаса слетела с лица Менсона. Перемена – от смеха до боли – случилась так быстро, что никто не успел заметить и удержать шута. Он сорвался с места и бросился к судейскому столу:
- Старый хрыч! Проглоти язык, подонок!
- Приставы поймали его всего за шаг от цели, когда кулак шута уже летел к носу Кантора. Шута оттащили в сторону, скрутили, защелкнули в кандалы. Он бился, как бешеный зверь, и орал:
- Мрази! Гнусные твари! Все втопчете в грязь!
- Его швырнули на место, пристегнули к стулу и плеснули в лицо водой. Менсон рванулся еще пару раз, и, поняв тщетность попыток, заплакал.
- Председатель суда ничем не выразил торжества, кроме одной чуть приподнятой нотки:
- Суд доказал то, что требовалось. Ответчик выказывает резкую неконтролируемую эмоциональную реакцию, связанную с любовью к покойному владыке. Чувство такой силы вполне может толкнуть человека на преступление.

– Вы не смаете говорить о недоказанном факте! – воскликнул Франциск-Илиан, также утративший хладнокровие.

– Ваше величество, суд считает абсолютно доказанным фактом, что ответчик был способен совершить преступление под влиянием чувства. Суд не утверждает, что ответчик совершил его, а отмечает лишь потенциальную возможность и наличие мотива. Является ли лорд Менсон убийцей в действительности – покажет обвинитель после обеденного перерыва.

Ворон вмешался с тревожной поспешностью:

– Ваша честь, обвинитель просит отложить начало процесса на следующее заседание. Сегодня потрачено много времени, а показания главных свидетелей весьма обширны.

– Тем более, имеет смысл поскорее перейти к ним. Суд продолжит слушание сегодня. Разумеется, если владычица утомлена, суд продлит перерыв на достаточное время, чтобы ее величество отдохнула.

* * *

И вот скамью заняли главные свидетели истца – четверка альмерских рыбаков, лично видевших гибель императора.

Заранее обдумывая дело, Эрвин был почти уверен, что эти парни – никакие не мужики, а наемные солдаты или даже рыцари графа Эрроубэка, устроившие обрушение моста. Однако теперь, увидев их воочию, он усомнился в своих выводах. Четверо настолько походили на мужиков, насколько это вообще возможно: бородатые, коренастые, чумазные, с широкими бесхитростными лицами, ясными и глупыми глазами. Войдя в зал и одолев первую робость, они привели себя в порядок согласно собственному разумению: как можно туже затянули пояса, одернули рубахи и пригладили волосы руками, поплевав на ладони. По пути мимо лордов гнули спины на каждом шагу: «Премного здравия вашей светлости!» В присутствии владычицы держались с наивным подобострастием: по любому поводу били поклоны, осеняли себя священными спиралями и не могли отвести взгляда от Минервы. Обращение «ваша честь» давалось им с трудом, судью Кантора они, вопреки процедуре, называли господином судьей, а при любом удобном случае вворачивали «ваше величество», даже если обращались вовсе не к Минерве. Звались они: Джейкоб, Смит, Ларсен и Борода.

– Свидетель, вы не можете использовать прозвище в суде. Сообщите свое настоящее имя.

– Борода как есть, ваше величество. Дело таковское: я был найденыш при церкви, оставил меня бородатый мужичок. Дьякон и прозвал меня Бородой – шутки ради, пока настоящее имя не сыщется. Потом бишь я вырос, а имя так и не придумалось. Бородой и записали.

– Какого вы сословия, свидетели?

– Дык мужики мы, кто ж еще.

– Говорите суду: ваша честь.

– Угу, господин судья. Так и будем.

– Где вы проживаете?

– В графстве Эрроубэк, на восточном берегу Бэка, в деревне Косой Яр.

– Видели ли вы двадцать второго декабря прошлого года крушение поезда, упавшего с моста?

– Да, ваше величество. Всеми глазами видели, вот как вас тут!

– Подтвердите это каждый в отдельности и принесите клятву.

– Клянусь Праотцами, что видел, – один за другим повторили мужики.

– В виду важности данных свидетелей, суд сам проведет их опрос. Истец и ответчик впоследствии смогут задать дополнительные вопросы.

Франциск-Илиан поднял флажок:

– Если слух меня не подводит – а доселе не подводил, – то эти свидетели принадлежат к простому люду. Ответчик же – первородный дворянин.

– Виновный в попытке переворота и опустившийся до шута.

– Однако по-прежнему дворянин рода Янмэй. Может ли слово мужика – даже четверых мужиков – соперничать со словом потомка Праматери?

Многие лорды Палаты одобрительно закивали, признав весомость довода. Судья Кантор обратился к Марку:

– Истец может предоставить свидетелей дворянского сословия?

– Нет, ваша честь. Однако имеется дворянин, готовый поручиться за слова этих мужиков.

Пристав вывел на свидетельское место хорошо одетого дородного альмерца.

– Назовите ваше имя и сословие, сударь.

– Я – Огюст Миранда Клэр рода Катрины, барон Бонеган, вассал его милости графа Эрроубэка. Мое почтение императрице и высоким лордам Палаты.

– Знаете ли вы людей, находящихся на скамье рядом с вами?

– Конечно, ваша честь. Это мужики из Косого Яра – одной из моих деревень.

– Можете назвать их имена?

Барон назвал Джейкоба, Смита и Бороду, а Ларсена не вспомнил.

– Виноват, ваша честь. Лицо помню, а имя вылетело из головы. Но этот тоже мой, точно говорю. Я в Косом Яру часто бываю.

– Вы можете поручиться за слова этих четверых мужиков?

– Да, ваша честь.

Франциск-Илиан вмешался:

– А как вы можете ручаться, еще даже не услышав их показаний? Вы владеете даром провидца?

Барон развел руками:

– Милорд, еще в тот самый день, когда разбился поезд, они мне все подробно рассказали, что и как случилось. По лицам их видно было, что не врут. Потом я, конечно, сам сходил на место и посмотрел – все совпало с их рассказами.

– Но вы не могли проверить главного: убил ли шут Менсон владыку Адриана.

– Милорд, это мои мужики, я их знаю. Наибольшая фантазия, на какую они способны, – пририсовать пойманной щуке лишний фут длины. Они никак не могли измыслить такую картину, что дескать шут убил самого владыку. В том ручаюсь честью дворянина.

Замешательство было исчерпано, и суд взялся за рыбаков. Члены коллегии провели опрос со знанием дела. Вопросы задавали быстро, чтобы свидетель не имел времени задуматься, а говорил то, что сразу пришло на ум. Избегали излишне открытых вопросов, ответы на которые могли затуманить суть. Если свидетель отвечал обобщенно – его одергивали, требовали конкретности; если колебался – строго давили: «Да или нет? Ответ нужен однозначный». Грубая мужицкая речь резала слух и усложняла восприятие, но благодаря точности вопросов картина вырисовалась исчерпывающе ясная.

На рассвете двадцать второго декабря Джейкоб, Ларсен, Смит и Борода отправились на берег Бэка удить рыбу. Если говорить точно, то на рассвете вышли Джейкоб, Смит и Борода, а Ларсен проспал и явился часом позже – однако был на реке к моменту крушения. Недалеко от моста имеется удобный бережок: обрывчик высотой футов десять над стремниной. На нем приятно сидеть, свесив ноги, а стремнина хороша, когда ловишь на «муху». Ваше величество знает, что такое «муха»? Это такой пестрый пучок ветоши или перьев, нитки тоже подойдут. В него вплетается крючок и кладешь на воду. «Муха» стоит – удочка-то держит, – а рыбе кажется: «муха» плывет против течения. Вот рыбка и клюет.

Итак, мужики закинули удочки, тяпнули немного косухи, чтоб тепло на душе, и повели подходящие случаю беседы. Основной темой был как раз владыка Адриан: как-то он теперь

будет без столицы? Прогонит северянина из Фаунтерры или построит себе где-нибудь новый дворец? А если где-то построит, то не у нас ли в Альмере? А если в Альмере, что поменяется от этого в нашей жизни? Авось, разбогатеет, как столичники. Уж на рыбку цены всяко взлетят – ее, рыбки, ого сколько нужно для придворного стола! Эту тему большею частью развивали Джейкоб и Смит. Ларсен их поддерживал, но вяло: он маялся подарком жене на новый год, никак не мог придумать. А Борода костерил рыбу, которая не клюет, – ибо она и вправду не клевала. Только три карася попались на удочки, но один сорвался, а другой был такой крохотный, что и кота не накормишь.

Как тут Джейкоб крикнул: «Гляди!» – и все поглядели. Шел, значит, поезд – причем не по расписанию. Все обычные поезда рыбаки знали наизусть. Имели такой опыт в наблюдении за мостом, что безо всяких часов распознавали составы: услышат вдали гул, поглядят на солнце и поймут – Блэкморский это, Алериданский, Флиссский или Оруэльский. Так вот, на сей раз поезд обычным не был. Удивленные этим, рыбаки поднялись с мест, чтобы лучше рассмотреть диковинку. И вдруг, когда тягач вышел на мост, раздался ужасный тар-тарарам. Ваше величество, святыми богами – страх, да и только!

Словом, поезд сверзился с моста и образовал идову кучу обломков. Испуганные рыбаки потеряли пару минут, размышляя как поступить: бежать ли им в Косой Яр или в замок графа, или на помощь людям в поезде. Решили послать Ларсена в замок, а Смита в Косой Яр, а Бороде с Джейкобом лезть в вагоны и помогать бедолагам. Но сначала – всем четверым подойти ближе и посмотреть, без этого никак нельзя. Тогда они подошли к месту крушения и увидели невероятное: поезд загорелся. Лежал-то он в воде, однако, видно, вода еще не все затопила, а в вагонах имелись печки, и угли разлетелись повсюду – вот и занялось. Сначала из окон пошел дым, потом полыхнули языки пламени. Рыбаки схватились тушить – но как? Поезд-то лежал не у самого берега, а с зазором. Чтобы добраться, надо войти в воду по шею, а так и застудиться недолго. Но там люди заживо горят – не сидеть же, сложа руки! Но, может, и нету там живых – пока ни один не показался. Едва рыбаки достигли этой точки в своих размышлениях, как из верхнего вагона появился человек. Богатырского роста, широкий в плечах, сияющий гербами на алом мундире, он никак не мог оказаться кем-либо ниже генерала по чину. Рыбаки закричали, ошарашенные тем, что смогут спасти столь важную птицу:

– Прыгайте сюда, ваша светлость! Мы поможем!

Он обернулся на крик. Рыбаки узрели его лицо и ахнули – этот лик они видели на портрете в церкви! А на поясе мужчины висел невероятный трехгранный кинжал, так что сомнений не оставалось – это сам Адриан, владыка подлунного мира!

– Прыгайте, ваше величество, иначе сгорите!

Но владыка замешкался – видно, не был уверен, достаточно ли глубока вода. И тут за его спиной появился шут Менсон с длинным ножом в руке. Прежде, чем рыбаки поняли его злодейский замысел, шут всадил клинок в спину владыке, и тот рухнул, как подкошенный. Раздался при этом сухой звук, вроде щелчка кнута, и позже знающие люди рассказали рыбакам, что с таким звуком разряжаются искровые очи.

Что было дальше? Рыбаки целную минуту не могли оправиться от потрясения, а вагон тем часом зашатался и упал набок – видно, сгорели те обломки, на которые он опирался. И тело владыки, и его убийца соскользнули в воду Бэка. Больше рыбаки их не видели. Сломая голову они бросились в замок Эрроубэк, чтобы скорее все рассказать графу и избавиться от бремени тяжкого, даже непосильного знания. Узнав обо всем, граф Эрроубэк послал конные отряды на поиски шута-убийцы, но время было потеряно. Пока рыбаки бегали в замок, злодей выбрался на берег и ушел прочь от речки.

Если не брать во внимание корявую речь, а смотреть прямо в суть, то история звучала очень складно. Ни один поступок свидетелей не казался нелогичным, ни одно показание не

содержало в себе противоречия. Лишь одна деталь вызывала вопросы: как рыбаки смогли узнать Менсона? Судья Кантор обратил на это внимание и потребовал объяснений.

– Видели ли вы обвиняемого Менсона прежде?

– Еще как, ваша честь! Он же, убивец, на наших глазах упокоил владыку! Вот тогда-то и видели.

– А ранее, до того?

– Раньше – не, вроде. Никаковские шуты в нашу деревню не навевались.

– Каким же образом вы смогли его опознать в день убийства владыки Адриана?

– Дык он же того, околпаченный был!

– То бишь, носил на голове колпак?

– Ага, как есть! Трехвостый с бубенчиками. Вот ентот самый, что на ём сейчас.

– Какие приметы, кроме колпака, вы рассмотрели?

– Ну, наперво, у него бороденка дурная – не борода, а смех. Тонкая да длинная, как у козлища. Потомсь волосы на нем пятнистые – седые с черными вперемешку, и все попутанные, будто год не чесался. Вот глядите, ваше величество: сейчас у него так же. А самое главное: глаза. Так горели, будто разом и пьяный, и безумный. Глаза черные, а огонь в них красный – ни дать, ни взять угли. Мы енто все пересказали его милости графу – его милость сразу и признал: «Так это ж был Менсон – шут владыки!»

Члены коллегии задали еще ряд уточняющих вопросов об одежде шута и об орудии убийства. Из ответов стало ясно, что шут был одет в дневное платье, но измятое так, будто спал, не снимая его. А орудием являлся боевой искровой кинжал, вероятно, снятый Менсоном с трупа одного из погибших гвардейцев.

Судейская коллегия удовлетворилась показаниями рыбаков. Председатель Кантор объявил:

– После двадцатиминутного перерыва советник получит возможность задать свидетелям свои вопросы, если таковые имеются.

Франциск-Илиан поглядел на часы – было шесть тридцать. До окончания работы Палаты оставалось полтора часа.

– Ваша честь, я прошу перенести свой опрос свидетелей на следующее заседание.

– Суд не видит поводов для этого, – отрезал Кантор.

Конечно, то было ложью. И председатель, и Франциск-Илиан отлично понимали ситуацию. В оставшееся время пророк начнет спешный, плохо подготовленный опрос, который будет прерван с окончанием заседания. Советник не успеет поймать свидетелей на лжи, но выдаст свою тактику, и к следующему заседанию свидетели будут готовы. Кроме того, судьи и лорды уйдут спать с уверенностью, что Менсон виновен, а советник беспомощен. В свое время Дед говорил Эрвину: «Если ответчик хочет жить, он должен сеять сомнения, в особенности – вечером. Когда судья засыпает в сомнениях, утром он ищет истину; когда судья засыпает с уверенностью – утром ищет бумагу, чтоб написать приговор».

– Ваша честь, показания свидетелей весьма обширны. Нужно время, чтобы обдумать их и подготовить вопросы. Я не принадлежу к тем людям, кто любит говорить, не подумав.

– Суд оставит вам возможность задать дополнительные вопросы, если они появятся до следующего заседания. Однако суд не видит причин терять впустую оставшееся сегодня время. Напоминаю советнику, что в зале находятся ее величество и высокие лорды. Их время дорого.

И, не дожидаясь реакции, председатель звякнул в колокольчик:

– Перерыв!

Франциск-Илиан немедленно подозвал секретарей и раздал приказы. Секретари умчались, а король-пророк стал шептаться с Менсоном. Ворон Короны пристальным недобрый взглядом следил за ними.

– Думается, милорд, – Мими повернулась к Эрвину, – сегодня приговор не вынесут.

Она по-прежнему сочувствовала шуту, и Эрвину пришлось ее расстроить:

– В этом нет ничего хорошего для Менсона. Судья Кантор сыграл это заседание как по нотам. Если б он поспешил, сегодня дошло бы до приговора, но среди судей не было бы единства – а решение должно быть единогласным. Кантор пожертвовал скоростью, зато сделал все, чтобы убить сомнения. Я слежу за судьями: еще в обед сомневались пятеро, сейчас остался один.

– То есть, уже все решено?..

Эрвин указал украдкой:

– Сомневается вон тот, самый молодой из членов коллегии. Вероятно, ему не станет духу перечить маститым старшим судьям. Они уйдут спать с уверенностью в вине Менсона. Следующее заседание будет пустой формальностью.

Мими долго молчала прежде, чем спросить:

– Почему вы сопереживаете Менсону, милорд? Потому, что он убил вашего врага?

Эрвин качнул головой:

– Если свора собак травит одинокого зверя – кто станет сочувствовать собакам?..

– Я вижу льва на стороне одинокого зверя. Думаю, собакам несдобровать.

Резкий звон колокольчика обозначил конец перерыва.

– Советник может приступить к опросу, – объявил судья Кантор.

– Советник еще не готов и просит об отсрочке.

– Суд не видит оснований для отсрочки. Ответчик должен приступить сейчас.

Франциск-Илиан заметил своего секретаря, бегущего через зал с бумагой в руке.

– Значит, нам ничего не остается, как подчиниться суду и начать опрос, – жестом, полным смирения, пророк сложил руки перед грудью. – Уважаемые свидетели, сейчас мой помощник даст вам один документ. Не прочтете ли вслух, что в нем написано?

– Виноваты, не умеем... Нет, никак не сможем.

– Тогда я прошу секретаря суда громко прочесть бумагу, а вы, уважаемые свидетели, слушайте внимательно.

Альберт Кантор насторожился:

– Советник, вам дано слово, чтобы вы вели опрос свидетелей, а не развлекали их чтением.

– Ваша честь, я задам вопрос сразу после чтения. Милорд Эмбер, прошу вас.

Секретарь суда взял документ у помощника шиммерийца и принялся читать. Его голос звучал ровно, но в зале нарастало волнение с каждой следующей фразой. Документ представлял собою смертный приговор, вынесенный верховным судом двум северным дворянам – герцогу Эрвину Ориджину и леди Минерве Стагфорт, действующей императрице.

– Что за черт! – раздался грубый возглас кого-то из Нортвудов. – Да эти судьи просто издеваются!

Палата загудела.

Воздев руки к небу, пророк призвал к порядку.

– Господа, прошу о тишине, ведь иначе свидетели не услышат моего вопроса. А вопрос таков: вы поняли смысл бумаги?

– Вроде, дась... – нестройно ответили рыбаки. Они выглядели изрядно ошеломленными.

– Перескажите своими словами, что там сказано.

– Ну, вроде... суд порешил казнить герцога Ориджина и... ее величество! Или мы не так поняли?..

– Боюсь, что вы поняли совершенно точно. А слышали вы, за какие преступления?

– Этот... мятеж против Короны... Но как такое может быть? Ее величество – она сама же и есть!.. Ну, в смысле, корону носит...

Франциск-Илиан развел руками.

– Вот и я не понимал, как можно судить и приговорить Минерву Стагфорт. Надеюсь, что хоть вы поймете, и народная мудрость через ваши уста объяснит мне...

Альберт Кантор прервал его:

– Суд не допустит манипуляций со сторон советника. Еще одна попытка – и суд отстранит советника от участия в заседании. Сама владычица указывала вам на неприемлемость провокаций!

– Та самая владычица, которую вы приговорили к смерти? – уточнил пророк.

– Советник должен вести опрос свидетелей, а не использовать их в своих махинациях. Свидетели несведущи в законах, и не им оценивать деятельность суда. Советник, при всем уважении, суд начинает сомневаться в ваших знаниях законов!

Франциск-Илиан развел руками с легким поклоном.

– Вижу, простая народная речь противна ушам высокого суда. Что ж, я не погнушаюсь перейти на язык законников. – Пророк сменил тональность, заговорил суше и быстрее, речитативом: – Постановление верховного суда Империи Полари принято десятого декабря минувшего года. Слушание проходило за закрытыми дверями и заочно, в отсутствие обвиняемых. Ответчиками являлись Минерва Джемма Алессандра, леди Стагфорт, и Эрвин София Джессика, герцог Ориджин. Ни одна, ни второй не приглашены на заседание – несмотря на то, что герцог находился в тот день в столице, во дворце Пера и Меча. Более того, ни леди Стагфорт, ни герцог Ориджин даже не поставлены в известность об обвинениях в свой адрес. Тем самым грубо нарушены и заповеди Праматери Юмин, и кодекс Юлианы Великой, раздел о судочинстве, глава о правах ответчика.

Судья Кантор попытался вмешаться, но не смог. Новая сухая скороговорка пророка имела особое свойство: ее нельзя было прервать, как нельзя отвлечь священника посреди молитвы.

– Доказательства в отношении леди Стагфорт сводятся к косвенному подозрению, в дело не включена ни одна прямая улика. Истцом выступает Корона в лице владыки Адриана, но владыка Адриан не поставлен в известность об этом. Представителем истца – обвинителем – выступает майор протекции Бэкфилд, однако его полномочия не подтверждены никаким документом за подписью владыки. Нарушены тезисы Юлианиного кодекса о роли и правах обвинителя, а также первая аксиома Праматери Юмин: любые сомнения должны трактоваться в пользу обвиняемого. Налицо вопиющий судейский произвол.

Пророк перевел дух, и лишь теперь судье Кантору выпала возможность ответить:

– Упомянутое вами решение отменено двенадцатого апреля сего года, после пересмотра дела.

– Но сперва оно было принято с нарушением всех норм судопроизводства. Коллегия злоупотребила судебной властью в угоду политическим силам.

– Я требую уважения к суду, господин советник. Вы не можете приводить отмененное решение как доказательство чего-либо. Двенадцатого апреля данное решение утратило всякую юридическую силу.

Франциск-Илиан отвернулся от Кантора и отвесил поклон, глядя в лицо владычице. Его голос стал прежним – спокойным, неторопливым, внушительным:

– Ваше величество Минерва, я прошу вас защитить справедливость. Вы имеете власть поставить в Палате вопрос о переизбрании верховного суда. Во имя истины и закона, воспользуйтесь ею.

Минерва никак не могла ждать, что вторично за день шиммериец поставит ее перед нелегким выбором. Она замешкалась, глянула на Бекку в поисках поддержки. Конечно, ни лошадица, ни кто-либо другой не мог помочь ей: дать совет владычице на глазах у всей Палаты – значит, сокрушить ее авторитет. Императрица должна решать сама.

– Ваша честь, – сказала Минерва, – желаете ли вы ответить на слова советника?

Председатель Кантор медленно поднялся на ноги. Теперь стало заметно, насколько он стар и подточен болезнями. Однако в голосе звучала нестигаемая вера в свою правоту:

– Ваше величество, прошу вас ясно увидеть происходящее. Громкими словами об истине и справедливости советник пытается затуманить суть, а она проста. Согласно Юлианину закону – раздел о судочинстве, глава о верховном суде – ни Палата, ни ваше величество не имеют права распустить верховный суд прямо в ходе слушания. Удовлетворив пожелание советника, вы сами будете дискредитированы, как и новые назначенные вами судьи. Советник сможет заявить недоверие им тоже, а затем и следующим – и бесконечно оттягивать смертный приговор. Ваше величество, не становитесь жертвой его происков. Если по окончании процесса вы выкажете недовольство моею работой, я немедленно подам в отставку. Но до тех пор позвольте суду действовать.

Минерва тяжело вздохнула. Прав был злобный старик Кантор, а не обаятельный пророк: и закон, и данное Минервой слово чести, и преемственность янмэйской власти, воплощенной в верховном суде, не позволяют владычице распустить коллегия. Смириться с этим составом суда – меньшее зло, чем заменить его.

– Корона отклоняет ходатайство обвиняемого, – сухо сказала Мими.

– Благодарю, ваше величество, – Кантор с поклоном сел на место.

Что любопытно: умное лицо пророка озарилось улыбкой.

– Благодарю, ваше величество, – сказал южный король и, садясь, бросил беглый взгляд куда-то вверх, на зрительский балкон.

Кантор выпил воды, восстановил спокойствие и посмотрел на пророка:

– Советник обвиняемого готов, наконец, начать опрос свидетелей?

– Да, ваша честь. Мой первый вопрос...

Здесь возникла небольшая заминка. Альмерские рыбаки на свидетельской скамье были полностью ошарашены недавней перепалкой. Толком не поняв аргументы сторон, они уловили главное: владычицу попросили распустить верховный суд, а она отказала. То бишь, минуту назад у них на глазах вот этих важных судей чуть не прогнали со двора, как нерадивых слуг! Рыбаки просто не могли оставить коллизию без своего толкования и принялись так оживленно шушукаться, что прослушали первый вопрос Франциск-Илиана. Но барон Бонеган, поручившийся за рыбаков, зычно рявкнул:

– Эй, лапти, отвечайте, когда спрашивают! А не спрашивают – молчите.

Свидетели присмирели, и Франциск-Илиан повторил в тишине:

– Мой первый вопрос таков: вы рыбачили в проруби?

– Нет, господин, какая такая прорубь? Ледостава еще не было.

– Говорят, что Ханай в те дни уже замерз, северные полки хотели перейти его по льду.

– Так то Ханай, господин, а это – Бэк. У нас в Альмере потеплее будет.

– Значит, вы твердо помните, что льда на Бэке еще не было?

– Как есть, господин. Никакого льда. Рубать не надо, закидывай удочку да лови.

Кантор брюзгливо вмешался:

– Суд не рекомендует советнику тратить время на бесполезные вопросы.

– Лишь богам наперед ведомо, что пойдет на пользу, а что во вред. Порою еще пророки могут заглянуть в туман грядущего... Но я приму добрый совет вашей чести и перейду к более насущному вопросу. Уважаемые свидетели, вы видели, что человек в шутовском колпаке появился из вагона?

– Как есть! Откуда ж ему еще появиться? Разве с неба упал.

– И вы утверждаете, что у него на голове имелся шутовской колпак?

– Самый заправдешный, как щас!

– Вы полагаете, что при падении поезда с моста его колпак не слетел с головы?

– Чегось?..

– Лорд Менсон, друг мой, встряхните головой.

Шут резко дернулся. Колпак звякнул и сполз на лоб.

– Как видите, при резких движениях сей головной убор теряет равновесие. Что же произойдет, если в нем упасть с моста?

– Эээ...

– При падении с моста колпак слетит с головы?

– Ну, эоть...

Ворон Короны вмешался:

– Ваше величество задает абстрактные вопросы. Даже если колпак слетел с головы, свидетели этого не видели, а потому не обязаны отвечать.

– Вот, дась! – закивали рыбаки.

Пророк спокойно продолжил:

– Если б вас спросили, может ли человек упасть с моста так, чтобы колпак остался на голове, – что бы вы ответили?

– Кажись, нет... – согласились свидетели.

– Как вы объясните то, что в момент убийства вы все же видели колпак на голове того человека?

– Ну, надел обратно.

– А кроме того, нашел и подобрал искровой нож?

– Ну, как есть.

– Стало быть, в первые минуты после крушения поезда тот человек совершил два действия: нашел искровой кинжал, чтобы вооружиться, и нашел свой колпак, чтобы снова надеть на голову. В первом действии имеется смысл, если он действительно замышлял убийство. Во втором деянии смысла нет никакого.

– Это почему же? – удивился Ларсен. – Есть смысла. Он же шут – должен быть в колпаке. Вот и надел.

– Лорд Менсон, пошевелите головой слегка.

От слабого движения бубенцы на колпаке издали мелодичный звон.

– Лишь боги и пророки посвящены в тайны грядущего... Но не нужно быть ни богом, ни пророком, чтобы предсказать: если позвенеть бубенцами за спиной человека, то он обернется. Если берешь в руки нож, замышляя ударить жертве в спину, неужели напялишь на голову гроздь колокольцев?

– Эээ...

Рыбаки сконфужено переглянулись, затем уставились на барона, ища в нем поддержки. Затем подняли виноватые глаза к Минерве.

– Ваше величество, мы не знаем... Колпак-то был, а зачем – мы и не думали...

– Обязанность свидетеля – не трактовать, а лишь излагать увиденное, – отметил судья Кантор.

– Я готов помочь с трактовкой, – благосклонно кивнул пророк. – Я вижу два объяснения колпака на голове убийцы. Первое: убийца не был лордом Менсоном, но присвоил и надел шутовской колпак, чтобы выдать себя за него. Второе: данные свидетели не видели ни лорда Менсона, ни кого-либо другого в шутовском колпаке, а просто его измыслили.

За судейским столом поднялся ропот, барон Бонеган вскричал что-то о своей чести, но все перекрыл уверенный голос Марка:

– Я вижу также третье объяснение, ваше величество. Если позволите, изложу его. Лорд Менсон мог надеть шутовской колпак с тою же целью, с какою носит его сейчас, в суде. Он готовился послать на Звезду своего единственного родича, к тому же – владыку. Это черное намерение вызывало бурю чувств в душе Менсона. Колпак на голове помог ему справиться

с собою и обрести хладнокровие. Это – привычная, родная вещь, дающая уверенность. Так многие солдаты берут на войну мамин платок, горсть родной земли и прядь волос любимой.

Кое-где в зале раздались аплодисменты – столь метким было объяснение Марка. Рыбаки радостно закивали:

– Вот голова! Так все и было, а мы не поняли!

Франциск-Илиан после минутной паузы возобновил допрос:

– Тем не менее, вы не узнали лорда Менсона в лицо, а лишь пересказали его приметы графу Эрроубэку, и уже тот по приметам назвал имя Менсона?

– Ага, тут чистая правда.

– Стало быть, ваше опознание является косвенным.

– Кось... каким, говорите? Недослышали...

– Косвенным – то есть, опосредованным. Вы видели убийцу, но не узнали в нем лорда Менсона, а граф Эрроубэк узнал, но не видел.

– Агась.

– Прошу внести это в протокол.

– В протокол вносится все, сказанное в зале. Из протокола удаляется лишь то, что суд приказывает вычеркнуть, – сухо пояснил судья Кантор. – Ваши вопросы исчерпаны, господин советник?

Пророк улыбнулся как-то печально:

– Знали бы вы, как я жажду дожить до времени, когда все мои вопросы исчерпаются...

Перейдем к опознанию владыки Адриана. Как я понимаю, уважаемые свидетели, его вы твердо узнали сразу?

– Еще как! Такого богатыря, как владыка, поди поищи!

– Прежде вы видели его на портрете в деревенской церкви?

– Агась.

– Портрет, как и подобает, размещался в притворе над дверями, лицом к алтарю?

– Чистая правда! Прямоком на алтарь глядел.

– Как был изображен владыка?

– Ну, владыка как есть: стоит во весь рост, плечи во всю ширь, смотрит орлом.

– Во что одет?

– В военный мундир – блестит весь, да еще при шпаге. Красавец был!

– Можете встать так, как стоял Адриан на том портрете?

Свидетели сильно оробели и решились исполнить просьбу, лишь когда сама Минерва присоединилась к пророку. Из рыбаков выделился Борода, как самый высокий и статный. Вышел на открытое место, расправил плечи, задрал подбородок, а правую руку упер в поясницу, возле эфеса воображаемой шпаги. Приняв эту позу, Борода сделался выше и значительней, все взгляды устремились на него, повергнув бедного мужика в краснощекое смущение.

– Благодарю вас, можете сесть, – сказал пророк. – Теперь скажите, с какого расстояния вы видели владыку? Он стоял на крыше вагона, который, в свою очередь, лежал на других вагонах, а те были ярдах в десяти-двадцати от берега – верно?

Мужики прикинули дистанцию, шурясь и шевеля губами, и один за другим согласились.

– Значит, вы видели владыку так, как если бы он стоял вон там?

Пророк указал на зрительский балкон, заполненный людом.

– Агась, точно так.

– На балконе находится мой помощник. Сейчас он покажет вам несколько портретов вельмож. Полагаю, вам не составит труда понять, который из них – владыка Адриан.

– Запросто! Пушай покажет!

Зал встрепенулся, когда секретарь Франциск-Илиана протолкался сквозь толпу на балконе и поставил у перил массивную стопку картин.

– Барон Бонеган, – сказал пророк, – вы ручались за показания этих мужиков, и теперь испытаете соблазн подсказать им. Потому я требую, чтобы вы отвернулись и не смотрели на портреты.

– При всем уважении, ваше величество, вы мне не сюзерен.

– Тогда я этого требую, – вмешалась Минерва.

Барон повернулся к балкону спиной. Шиммерийский секретарь поднял над перилами первую картину. Она изображала лысеющего министра в камзоле.

– Нет, и близко не похож! – вскричали разом мужики.

– Благодарю, – сказал пророк. – Прошу следующую.

На новом портрете оказался молодой янмэец, сидящий за столом и задумчиво кусающий кончик пера.

– Не он, – отмахнулся Борода. Другие рыбаки тоже занекали.

– Благодарю. Следующую картину.

Вот теперь на портрете был статный дворянин в парадном мундире, с рукою на шпаге. Ларсен и Борода тут же закивали, но Джейкоб и Смит усомнились:

– Бороденки нет... у владыки была, а тут только усы.

Ларсен отказался от своего слова, Борода упорно повторил: «Он» – возможно, просто потому, что стеснялся поменять мнение.

Четвертый, пятый и шестой портреты также изображали дворян в мундирах. Конечно, все они держали руки на шпагах, гордо задирали подбородки и стреляли орлиными взглядами в горизонт – ибо таков был канон парадного военного портрета. Мнения рыбаков разделились. Ларсен и Смит высказались за четвертую картину, но Ларсен потом сменил мнение в пользу пятой, вызвав в зале смешки. Джейкоб же все отнекивался, чуя подвох, а на шестом портрете спросил:

– Этот последний?

– Последний, – кивнул пророк.

– Тогда он! Он – владыка!

– Благодарю вас, – сказал Франциск-Илиан и с поклоном развел руками.

Никаких комментариев не требовалось. Над залом повисла тревожная тишина.

– Внесите в протокол, – выдал судья Кантор, – ни один свидетель не опознал владыку Адриана.

– Что?.. Как?.. – рыбаки выпучили глаза. – Мы ж того! Мы видели!..

– Вы видели мундир, который затмил остальное. Владыка Адриан был на втором портрете – сидящий с пером в руке. А четверо в мундирах – просто имперские генералы.

– Но мы же... Мы видели... – промямлил Ларсен, бледнея на глазах.

– Дурачье! – взревел Бонеган. – Я вам покажу, слепые кроты!

– Требую порядка в зале! Советник имеет еще вопросы?

– Конечно, ваша честь. Однако наступает восьмой час. Я охотно отложу остальные вопросы, чтобы более не утомлять ее величество. Сегодня мы оканчиваем на следующем выводе: некто в шутовском колпаке ударил ножом кое-кого в генеральском мундире. Только это достоверно следует из показаний рыбаков, и ничего более.

Едва заседание окончилось, Мими обернулась к Эрвину, сияя от радости:

– Хочу праздничного кофе с праздничным пирожным! Я знала, что Менсон невиновен! Начала суд, чтобы очистить его имя, – и это случилось!

Строго говоря, оправдание Менсона сулило Эрвину гораздо больше проблем, чем казнь. Но такова была сила судебной драмы, что Эрвин проникся состраданием к главному герою и теперь радовался вместе с Мими.

– До оправдания еще далеко, ваше величество. Но пророк разбил фундамент обвинения – без этих свидетелей оно недолго выстоит.

– Скажите, что я была права, устроив суд в Палате! Ведь права же, да?

Ворон Короны возник подле Эрвина:

– Милорд, нужно сказать пару слов наедине.

– Прошу простить, ваше величество.

Поклонившись Минерве, он пошел вслед за Марком. Выбрав уединенное место подальше от глаз и ушей, Ворон сказал:

– Милорд, у нас имеется затруднение.

– Никакого затруднения, Марк. Я приказывал добиться справедливости – и вы это сделали. Дали Менсону шанс, он его использовал – теперь мы знаем, что он невиновен.

– Вы были правы с самого начала, а сейчас – ошибаетесь. Это Менсон убил Адриана. Теперь я не питаю ни капли сомнений.

– Как вы сделали такой вывод?

– Пока все слушали альмерских дурачков, я следил за Менсоном. Он выдал себя с головой. Если он не убивал, то, значит, рыбаки лгут. Почему он не закричал: «Вы лжете, сучьи дети»?

– Ну, порядок в суде...

– Менсону чхать на порядок! А он не только не закричал – не выронил даже шепотом. Молчал, как рыба, и хлопал глазами. Дважды отводил взгляд: когда рыбаки сказали про удар в спину, и когда я – про колпак. Он был там, в колпаке, с ножом, он заколол Адриана!

– Но рыбаки не опознали владыку...

– Хитрюга шиммериец запутал их. А они правы во всем! Они же опознали генеральский мундир! В том чертовом поезде был лишь один генеральский мундир – на владыке! Старший из гвардейцев носил чин капитана.

Эрвин встряхнул головой.

– То есть, на следующем заседании вы намерены...

– Милорд, прошу вашего решения. Я не намерен больше сдерживать себя. Менсон – подлый убийца, я хочу затянуть петлю на его мерзкой шее. Но он убил вашего врага. Возможно, спас вас от поражения. Милорд, что вы скажете, если я уничтожу его?

– Как и прежде, Марк, я хочу справедливости. В той войне я одержал семь побед – а мог одержать восемь. Чего я желал Адриану – так это суда и смерти на плахе, а не от рук паяца-безумца. Если Менсон виновен – расправьтесь с ним.

Ворон Короны потер ладони:

– Можете рассчитывать на меня, милорд.

– Однако не мешайте ему говорить. Он и его свидетели должны иметь полную свободу действий.

Меч – 4

15-20 мая 1775 г. от Сошествия

Уэймар

В большинстве городов рынки работают раз в неделю – по субботам или воскресеньям, независимо от местных порядков. Крестьяне и ремесленники, привозящие на рынок свой товар, не могут тратить на торговлю больше дня в неделю.

Уэймар – портовый город, и здесь дело обстоит иначе. Суда швартуются каждый день, прилавки не пустеют никогда, взамен проданного товара тут же поступает новый. И стоят за прилавками здесь не ремесленники да крестьяне, а опытные торгоши. Одним из которых понемногу становился Джоакин Ив Ханна.

Он работал на пару с Луизой уже почти неделю. Теперь он помнил цены большинства товаров, знал главные достоинства каждого, умел выставить их напоказ. Джо не опускался до вранья, но уже и не отпугивал покупателей излишней честностью. Говорил:

– Товар перед вами. Смотрите сами, чего он стоит.

Если пытались торговаться, он отвечал:

– Спорить не люблю. Возьмете пару – немного скину. А один товар не стоит торга.

Если спрашивали его мнения или совета, говорил коротко, в двух словах выражая главное свойство:

– Надежная вещь, послужит.

Или:

– Дешевая штука.

Или:

– Красивая. Берите.

Он нравился покупателям. Немногословная речь и открытое широкое лицо, и трехпалая ладонь выдавали честного солдата. Джо отличался от ушлых торговцев, занимающих большинство прилавков, и люди верили ему. Даже те, кто поносил его в первый день, теперь говорили добродушно:

– Да уж, тогда ты дал маху.

Он отвечал:

– Виноват. Я учусь.

И действительно учился. Луиза часто хвалила его, сам же он осознал успех, когда одна барышня решила купить стеклянный кувшин – тот, с трещиной. Дамочка имела зоркий глаз, быстро заметила изъян и принялась торговаться:

– Что? Четыре глории?! Да он не стоит и одной, с такой-то дырищей! Сюда не то что вина – горох не насыплешь, весь выкатится!

Джо спокойно отнял кувшин и наполнил водой. Ни капля не вытекла сквозь царапину.

– Все равно, – бросила дамочка, – он некрасивый. Дам глаорию и заберу. Больше никто не даст.

Джо ответил:

– Вы в Уэймаре, сударыня. Тут нет искры. Без искры такой не сделаешь. За четыре монеты получите единственный кувшин в городе.

– Три, – сказала дамочка.

Он молча смотрел на нее.

– Три с половиной!

– Четыре.

– Возьму в довесок пару ложечек.

– Ладно.

Это как дипломатия, – думал он, заворачивая кувшин в тряпицу. Или как проповедь. Нужно мастерство, чтобы отстаивать свое. Не так-то оно просто. Джо ощутил нечто вроде гордости и в первый миг устыдился этого чувства. Но потом позволил себе гордиться: лучше мастерски торговать, чем мастерски убивать людей.

Порою Джо думал о будущих планах. Со дня на день они продадут остаток товара – и что тогда? Закупят на выручку новый, поедут в Южный Путь проторенным хармоновым маршрутом. Там Джо навестит семью. Отдаст матери сотню эфесов, повидает братьев и отца. Послушает их новости, поделится своими. Расскажет о странствиях, о войне, о герцоге северян. Полюбуется гордостью на лице отца и завистью на лицах братьев. Что потом? Поедет в Лабелин – там Луиза назначила встречу Весельчаку. Найдет его, разочарует, скажет: не накрыла меня земля с лопаткой! Предложит ехать дальше вместе, а Весельчак, наверное, откажется. Он ведь простой крестьянин, уже насытился приключениями по горло. А дальше? Дальше Джо заедет в Саммерсвит, найдет Салема. Порыбачат вместе, помянут Подснежников. Джо оставит Салема немного денег. Он ничего ему не должен, но просто... Так оно правильно будет.

А потом-то что?

Джо не собирался жить в селе – ни пасти, ни пахать он не приспособлен. Никаким ремеслом также не владеет, а учиться долго, тоскливо. Выходит по всему, что торговля – лучший вариант. Есть маршрут, компания, товар; есть опыт и навык. Поездить несколько лет, заработать денег. Потом, может, осесть где-нибудь в небольшом городе, открыть свой трактир – ветеранский, как «Рыба-меч», неплохая же задумка. А потом – найти себе хорошую девушку. Таковую, как Полли.

Нет, такой больше не найдешь!

Нет, если по правде, – найдешь. Не одна в мире Полли, да и Джо не один. Ничего особого ни в ней, ни в нем. Пора уже понимать это.

Итак, что же дальше? Уэймар, Печальный Холм, Лабелин, Саммерсвит. Потом – маршрут Хармона, круг за кругом, год за годом. А что такого? Ведь это и есть жизнь: изо дня в день вставать и делать свое дело. Мир стоит на тех, кто трудится; не на тех, кто совершает подвиги.

В своей жизни Джо строил много планов. Пожалуй, он был мастером в их строительстве, потому смог оценить: нынешний его план – единственный целиком реальный из всех.

* * *

Шел их последний день в Уэймаре, когда перед прилавком возник Гарри Хог – цирюльник графа Виттора.

– Вот ты где! – сказал он, уставившись на Джо круглыми глазами. – Я думал, ты на корабль нанялся. Или в Сайленс ушел воевать. Или ограбил кого-нибудь да и сбежал подальше. А ты вон где!

– Здоров, Гарри. Ты, никак, удивлен?

– Вообще, да. Я про тебя что знал? Поймала тебя миледи и неделю держала в застенках. А теперь оказалось, ты – простой торгаш. Вот и диву даюсь: зачем ей тебя мучить? Ты ей битое блюдо продал али гнутую ложку?..

– Торговля – хорошее дело.

– Я ж не говорю, что плохое. Очень даже приличное, мой дядя тоже за прилавком стоит. Просто я думал, ты из другого круга...

– Из какого?

Гарри улыбнулся:

– Да ладно, забудь. Снова скажешь, что к тебе цепляюсь, а я ж не затем. Ты говорил, зайдешь к Одноглазому сыграть. Я и ждал, местечко тебе держал за столом.

– Дела нашлись. Недосуг.

– Ну, бывает и такое, я не в обиде. А хочешь новую сплетню?

Джо хотел, чтобы Гарри ушел. Но не понимал причины сего странного желания, да и не видел за собою права прогнать Хога, потому только буркнул:

– Ну, давай.

– Ты ж знаешь, что наш замок весь оброс? По каждой стене плющик вьется от земли до верху, в бойницы заползает, зубцы опутывает – словом, чувствует себя весьма вольготно. Всем это дело очень нравится: и нашим, и приезжим. Благодаря плющу, замок смотрится милее, не таким мрачным. Да и герб напоминает: у нас-то на гербе сигнальный рог с плющом. Но вот, как миледи приехала, милорд объявил растению войну. Приказал все побеги со стен ободрать начисто! Кинулись солдатики выполнять – а поди ж ты! Нижние ростки можно достать с земли, верхние – с галереи, а те, что посередине, – их как? Наставили лестниц, нагородили лесов – замок стоит, будто при штурме! Зелень так и сыплется, половину рва уже заполнила.

– Правильно, – буркнул Джо. – Стены должны стоять голыми, для безопасности.

– А знаешь, зачем все затеяно? – Гарри подмигнул ему. – Милорд хотел миледи впечатлить. Она-то выросла в Первой Зиме, там все по строгости. Вот милорд и подумал: Уэймар будет ей милее, если станет более воинственным. Он и солдатиков нагнал побольше, вдвое нарастил гарнизон – чтобы все как на Севере! Вот сколько делается для комфорта миледи.

– Зря, – отрезал Джо.

– Ха-ха! Я ждал, что ты так скажешь, а я отвечу: вот и нет! Представь себе, оно все возымело действие. Миледи с милордом стала сильно милее. Все, кто рядом с ними – чашники, лакеи, секретари, стражники – все говорят: миледи теперь часто смотрит на милорда, много спрашивает о том, о сем. Словом, интересуется милордом, как никогда прежде.

– Это обман, – сказал Джо. – Лицемерие.

– Думаешь?

– Передай милорду... – Джо запнулся. – Да ты не передашь, а если скажешь – он не послушает. Просто запомни мое слово: агатовка мила, когда ей что-то нужно. Получит желаемое – станет еще холодней прежнего.

– Отчего?

– Из-за гордости. Станет ей противно, что пришлось унижаться. Для агатовца проявить излишек тепла – все равно, что унижить себя.

– Вижу, ты глубокий знаток данного предмета. Взять бы милорду тебя в советники...

Ухмылка Гарри царапнула Джоакина. Он сказал:

– Ладно, некогда мне беседы разводить. Торговать нужно. Ступай уже.

– А еще новость хочешь?

– Говорю же: работа стоит.

– А сыграть? Я нынче буду у Одноглазого...

– Может, зайду, – выронил Джо лишь затем, чтобы Гарри отстал.

Тот кивнул и отошел, уступив место покупателю. Какое-то время он еще постоял невдалеке, глядя, как Джо торгует. Сказал прежде, чем совсем уйти:

– А что, еще и выйдет из тебя купец.

Большую часть этого дня Джо простоял за прилавком один, с небольшой помощью со стороны Вихренка. Луиза с остальной свитой занималась закупками, а вечером объявила:

– Прежний товар мы продали, новый приобрели, можем двигаться дальше. Завтра найду кораблик до Южного Пути.

Джо ощутил себя так, будто стоит у путевого столба, на котором написано: «Здесь кончается воин и начинается купец. Отсель и далее – новая жизнь». Стало ли грустно? Нет, пожалуй. Довольно он уже нагрустился-намучился, истратил за год весь запас печали, положенный человеку. Но захотелось как-нибудь отметить поворот, помянуть того, кем Джо был раньше.

Вот почему после ужина он оставил Луизе большую часть денег, взял в карман десять эфесов – столько мог себе позволить проиграть, – и направился в подвал Одноглазого.

Он не стал торопиться, пошел спокойно, любуясь вечерним городом. Опрятные дома сияли глазками-оконцами, восходящая луна отражалась в Дымной Дали, рисуя невообразимо длинную золотую дорожку. Воздух полнился весною, влажная свежесть озера смешивалась с цветочным запахом аллей. Одно портило картину – торчащая надо всем главная башня замка, освещенная бесстыдно ярким искровым лучом. Будто даже ночью лорды не могли не напомнить о себе! Но скоро Джо свернул на бульвар, и замок исчез за пышными шапками каштанов.

Трижды спросив дорогу, он разыскал подвал Одноглазого. Центральный зал кабака был полон народу, люди толпились в азартном ожидании какого-то действия. Пробившись вперед, Джо ахнул от удивления. Добрую четверть зала занимал лабиринт, сколоченный из досок. Невысокие стенки лабиринта едва доходили до колена, но маршрут был чрезвычайно запутан. Ходы ветвились, двоились и троились, упирались в тупики, перекрещивались друг с другом, иногда взбирались вверх, на мосты, из коих некоторые кончались обрывами, а другие приводили в самые неожиданные точки лабиринта. Джо смотрел целую минуту, но не смог найти ни начала, ни конца маршрута.

– Это что за чертовщина? – спросил он у соседей.

В ответе звучало восхищение:

– Скажи! Уж сегодня сделано на славу! Придется им попотеть, никому не будет поблажки!

– Нет, вообще, что все это такое?

– Ну и спросишь! Финал же!

Теперь Джо увидел над лабиринтом доску с меловыми записями ставок. Судя по ним, в турнире участвовали двое: Черный и Длинный. На Черного ставили больше, но без особого отрыва.

– Один к одному с четвертью! – объявлял мужчина с мелком. – Скоро начнется, делайте ставки, пока не поздно! Один к одному с четвертью в пользу Черного!

Ему совали деньги, он бросал в ящик и делал быстрые пометки на доске.

– Да что же будет-то?! – потерял терпение Джо, и тут, наконец, заметил их.

Длинный мост вел от стола ко входу в лабиринт, а на столе, у начала моста, располагались две клетки. В левой сидела черная крыса, высунув сквозь прутья нос и подергивая ноздрями. В правой рыскала, не находя себе места, серая соперница с длиннющим голым хвостом.

– Крысиные бега... – признал очевидное Джо.

Кто-то сказал:

– Плохо, что их подняли на стол. Они оттуда видят весь лабиринт.

Кто-то ответил:

– Это как раз хорошо! Пусть проявят смекалку. Кто высмотрит маршрут – тот и молодец!

– Старт через пятнадцать минут! – крикнул мужик с мелком, сверившись с карманными часами. – Делайте ставки! Черный поднялся до одного с третью!

Джоакин в жизни не видел крысиных гонок. Он поглядел бы на эту забаву, но вспомнил про Гарри. Цирюльник, наверное, ждет его за карточным столом, а не в толпе крысолюбов. Надо найти его и сказать, что я здесь. Благо, есть еще четверть часа.

Джо вытолкался из людской гущи и прошелся по остальным залам кабака. В двух играли в кости, грохоча кружками о столы. В третьем, как ни странно, шла партия в стратемы: морской офицер бился с констеблем – возможно, тем самым, кто нашел черепа под бобами. Джо недолго посмотрел за игрой, чувствуя тоску. Все лучшие полководцы играли в стратемы, Джо всегда мечтал научиться. Да теперь уже смысла нет – зачем купцу военная стратегия?.. Чтоб не расстраиваться зря, он перешел в последний зал – и там, среди картежников, увидел Гарри Хога.

– А, брат Джоакин, добрался-таки! Ступай сюда, садись, вот есть местечко.

Стол был на шестерых. Гарри играл с двумя матросами, хмурым бородачом и здоровенным лысым детиной. Шестое место пустовало.

– Гарри, я бы сперва на крыс поглядел, а потом уж к вам.

– Ха! Крысы – дело важное, но и у нас тут события. – Гарри указал на здоровяка, накрывшего лапищей немалую кучу монет. – Брэм выиграл шесть раз кряду. Удача вот-вот отвернется, и он спустит всю гору серебра! Неужто пропустишь эту драму?

Джо затруднился в выборе – и то было заманчиво, и другое. Случай помог ему с решением. Из крысиного зала раздалась брань и грохот, будто кто-то споткнулся и неловко упал. Падение сопровождалось треском древесины. Кто-то завопил:

– Сучий хвост! Он сломал лабиринт!

Весь зал разразился проклятьями, а ведущий, с трудом преодолевая толпу, прокричал:

– Старт отложен для починки! Стартуем через час!

– Нельзя откладывать! – заорал кто-то. – Крысы азарт растеряют!

– А что делать? Делать-то что?! У нас дырища с коня размером!

– Плотника сюда! Плотника! Скорее!..

Тем временем Джо уселся за стол и взял в руки карты.

За считанные минуты он с головой погрузился в игру. Шло очень азартно. Брэм Бондарь выигрывал просто сказочно, будто сам Идо ворожил ему. Но именно в тот миг, когда здоровяк совсем поверил в себя и поставил по-крупному, удача улыбнулась не ему, а матросу из Нортвуда. Полфунта серебра уплыли к моряку, здоровяк в бешенстве лупил кулаком по столу. Но и у матроса деньги не задержались. Он пытался играть хитро, просчитывать все карты, но в итоге перехитрил себя сам, ошибся мастью и спустил монеты хмурому бородачу. Тот не выказал радость и даже не улыбнулся – чтобы не спугнуть удачу. Но удачи-то с ним и не было, одна лишь случайная случайность. Следующий кон и еще три выиграл Гарри Хог, так что горка монет переползла в его ладони.

– Моя очередь! Теперь уж мне повезет! – вскричал другой матрос и поставил все свои оставшиеся деньги.

Гарри рассмеялся от души – но безумная ставка матроса внезапно выиграла. Он выскочил из-за стола и пустился в пляс. Игроки за другими столами побросали карты и принялись хлопать. А в крысином зале, наконец, утих стук молотка, и ведущий объявил:

– Беда устранена, через пять минут стартуем!

Но Джо уже не хотел смотреть крыс. Он видел, как за столом везло всем по очереди – кроме него. Вот-вот и к нему придет удача!

Гарри сдал. Джо получил неплохие карты, в том числе даму червей. Он бросил на стол эфес – не разменянный серебром, а цельный, лакомый, блестящий желтым.

– Мне повезет, – объявил Джо, а моряк возразил:

– Неа, еще не тебе. Чую, от меня еще не отвернулось! Заберу себе твоё золотце!

Все остальные сделали ставки, думая не о картах, а о законе удачи. Брэм Бондарь поставил много: «Удача с меня началась, ко мне и вернется!» Гарри Хог ответил на ставку: «Везет умелым, а я – генерал в картах!» Бородач не отставал: «Восьмой кон с той игры, когда мне улыбнулось. Сейчас улыбнется снова!» В свою победу поверили все, кроме одного из моряков. Огромная куча денег лежала на кону – доход мещанина за целое лето!

– Стаарт! – заорали за стеной, и воцарилась такая тишина, что Джо почти услышал, как откидываются дверцы клеток, и скребут по деревянному мосту шустрые когтистые лапки.

– Мне повезет, – повторил он с полной верой и сразу зашел сильнейшей картой – дамой червей.

– Тебе уже повезло, – сказал кто-то за его спиной.

Джо обернулся. Увидел кольчугу, шлем, серый плащ, меч, кинжал. Увидел герб с нетопырем и стрелой, лишь потом – лицо. То был грей кайра Сеймура.

– Миледи вызывает тебя, – сказал северянин.

– И что с того?

– Она вызывает тебя сейчас. Ты пойдешь с нами.

– Не пойду.

В другом зале черная крыса вырвалась вперед, ее поклонники взорвались радостью:

– Давай, уголек, давай!

Но за карточными столами сделалось тихо. Все игры замерли, все картежники пристально следили за сценой. Северян было только двое: грей за спиной Джоакина и кайр у входа. Но такова была их сила и уверенность, что никто в комнате не смел пошевелиться. Не питая и тени сомнений, грей произнес:

– Парень, сейчас ты расстегнешь пояс и скинешь кинжал. Потом встанешь и пойдешь со мной.

У Джо пересохло в горле. Он смочил рот глотком эля и выдавил:

– Не пойду.

Грей ударил его в затылок. Джо ждал атаки – но не удара чертовой молнии! Он не успел даже вздрогнуть, как упал лицом на стол, расплющив нос. Вмиг северянин схватил его за шиворот и резко откинул назад. Джо слетел со скамьи, грянулся спиной об пол, а грей ударом сапога вышиб из него дух.

– Сбрось кинжал.

Голос северянина был далек и глух, едва слышен сквозь звон в голове. Где-то еще дальше вопили крысолюбы:

– Куда ты, Длинный? Налево, браток, налево же!

А с другой стороны раздался деревянный скрип. Отодвинув скамью, цирюльник Гарри поднялся на ноги.

– Славный воин, прояви-ка больше уважения к моему другу. Он ясно сказал, что не хочет идти с тобой.

Грей повернулся к Гарри, и Джо, невидимый им, схватился за нож. Но тут же получил пинок в голову и бессильно размазался по полу.

– Ты что творишь?! – вскричал Гарри. – Так нельзя! Братья, не дадим Джо в обиду!

– Сядь на место и не лезь, – бросил северянин. – Тебя не касается.

– В моем городе все меня касается. А ты здесь чужой!

– Не лезь, цирюльник! – процедил грей.

Но рядом с Гарри поднялся Брэм Бондарь – на голову выше северянина.

– Цыц, снежок! Поди прочь и не гавкай!

– Дааа! – орали за стеною. – Молодчина, длинный хвост!

Картежники переглянулись, зашевелились, лишь теперь осознав свое громадное превосходство. Их было больше дюжины – на двоих северян. Один поднялся на ноги, второй, третий. Послышался угрожающий ропот.

Кайр Сеймур Стил вышел в середину зала.

– По приказу леди Ионы Ориджин мы забираем этого парня. Кому дорога жизнь, советую остаться на местах.

Те, кто стоял ближе к Сеймуру, немного притихли. Но Гарри Хог, отделенный от кайра столом, выкрикнул:

– Наш граф – Виттор Шейланд! Северянка нам не указ!

Сеймур опустил руки на пояс.

– Кто шевельнется – не жилец.

И добавил, обращаясь к грею:

– Забирай его.

Тогда Гарри схватил тяжелую кружку с элем и бросил в голову грея. Воин вскинул руку и отбил кружку, но эль плеснул ему в лицо, на миг ослепив. В тот же миг Гарри выхватил что-то из кармана жилета и метнул с удивительной скоростью. Стальной шарик, быстрый как арбалетный болт, ударил грея в лоб. Тот крякнул, закатил глаза и упал.

– Бей снежка! – закричал Гарри.

Он бросил еще один шарик. Сеймур успел уклониться, но в него тут же полетел еще один снаряд: тяжелый стул, брошенный Брэмом. Кайр отбил его рукой, шатнулся от могучего удара, почти потерял равновесие.

– Бей снежка! – подхватили пьяные глотки.

Двенадцать мужиков, бесстрашных от эля, хлынули на северянина. Кто держал ножи, кто стулья, кто бутылки. Брэм Бондарь поднял скамью и раскрутил над головой, как двуручный меч.

Сеймур попятился к стене, но кто-то успел зайти ему за спину и ударил. Почуввав опасность, Сеймур уклонился, но нож задел его, вспорол кожу на боку. Кайр не носил кольчуги. Брызнула яркая кровь, пьяня и будоража, маня в драку.

– Да! Так ему!!

Людское кольцо стиснуло северянина, и Джо потерял его из виду.

Перекатился на живот, с трудом встал на четвереньки. Увидел грея, лежащего без памяти. Взвесил идею: вынуть кинжал и перерезать горло. Решил: нет, я не таков, как они. Уцепился за стол, силясь подняться. Гарри подал ему руку:

– Ты цел, брат?

– Вроде...

Но голова шла кругом, он шатался.

– Пойдем отсюда, – сказал Гарри.

– Мне бы присесть...

Раздался крик боли. Джо глянул. В сплошной массе людей, сдавивших Сеймура, возник просвет. Парень корчился на полу, зажимая живот ладонью. А Сеймур стоял с кинжалом в руке, и трое – нет, четверо – атаковали его вместе. Два ножа кололи его с разных сторон, дубинка и дубовый табурет падали на голову. А следом рвались еще мужики – с ножами, бутылками, осколками, Брэм со скамьей. Джо не смог отвести взгляда. Он должен увидеть, как кайр упадет!

Ножи и стул ударили вместе. Сеймур изогнулся как уж, невысказанным зигзагом скользнул в сторону – и все орудия вспороли пустоту, а кайр возник в стороне и полоснул кинжалом. Мужик упал, выронив стул, а трое новых ринулись на кайра, ударили ножами. Он нырнул, пропустил над собой два ножа, перехватил третий, вывернул, вогнал в бок нападавшему. Тот завопил, обливаясь кровью.

– Пойдем! – повторил Гарри и потянул Джо к выходу.

– Поберегись! – закричал Брэм Бондарь, вращая скамьей.

Драчуны разделись в стороны, но не Сеймур. Тот, напротив, кинулся к Бондарю, подставив череп под удар. Брэм хакнул и обрушил скамью – с такою силой, что убьет быка. Сеймур пригнулся в последний миг, пустил скамью в дюйме над макушкой, чиркнул кинжалом руку Брэма. Бондарь выпустил скамью, та грохнулась, с разгону покатила, кого-то сбила с ног.

– Гад! – вскричал Брэм, занося кулачищи.

Сеймур скользнул под его локтем, всадил клинок в подмышечную впадину. Не успел выдернуть, как два матроса ринулись на кайра. Он встретил их с голыми руками, протек между них, как ручей между скал. Зайдя одному за спину, ударил по почке. Перехватил руку второго, подтянул к себе, вогнал колено в пах. Оба моряка упали в одночасье с Брэмом. Впервые от начала боя вокруг Сеймура очистилось пространство. С холодным лязгом он обнажил меч.

– Уходим! Улетаем! – процедил Гарри, выталкивая Джоакина в дверь.

У Джо кружилась голова. Он хотел помочь игрокам, но все плыло, даже Сеймур казался размазанной тенью. А впереди вопила толпа:

– Черный! Черный! Черный!

Кажется, крысолобы вовсе не слышали драки! Джо выпал в крысиный зал, вцепился в стену, чтобы устоять – и вдруг получил удар в лицо. Отлетел, влип спиной в толпу, лишь потому не упал. К нему шагнул воин в сером плаще, занося руку для нового удара. Джо глядел, не в силах поверить. То был второй грей Сеймура. Один лежал в зале без чувств, а второй дежурил за дверью, перекрывая выход. Когда двенадцать мужиков напали на Сеймура, он не пришел на помощь, а остался за дверью, согласно приказу!

– Вы не люди... – выдохнул Джо за секунду до того, как грей ударил.

Но удар вышел слабым, скользящим: Гарри оттолкнул грея, схватил Джоакина в охапку и поволол сквозь толпу.

– Длинный хвост! – вопили слева.

– Уголек!.. – орали справа.

Однако Джо услышал лязг, когда кинжалы грея покинули ножны.

– Гарри, он достал ножи.

– Хорошо ему.

– Возьми мой искровый.

– Нет времени, браток.

Гарри расталкивал людей и волол за собою Джо. Толпа схлопывалась за их спинами. Грею приходилось заново прокладывать дорогу. Только б не клинками, – думал Джо.

Они пробились вперед – к самому лабиринту. В одну секунду Джо увидел обеих крыс: черная мчалась вдоль узкой щели меж досок, ведущей к финишу; серая скользила по мосту, ей наперерез. Их пути сходились в одну точку, но серая крыса отставала, но, спускаясь с моста, набирала скорость. Считанные секунды решали гонку, зрители вопили в азартном угаре.

Цирюльник покрутил головой, ища выхода. Его не было: впереди лабиринт, со всех сторон толпа. Сзади кто-то ругнулся и упал. Грей возник в шаге от Джоакина.

– Прыгаем! – крикнул Гарри.

– Куда?..

Но Джо уже понял – куда, и в следующий миг летел над лабиринтом. В полете он пнул по мосту, оттолкнулся от него – и доски треснули, серая крыса выпала на пол за краем лабиринта.

– Хвоооост! – задохнулась толпа.

Крыса скользнула между башмаков, толпа вскипела. Люди хлынули куда попало – кто к крысе, кто от нее. Грея мигом затерли, закурили в этом месиве.

– Выходим, – скомандовал цирюльник и побежал прямо по доскам лабиринта. Джоакин – следом за ним.

Как вдруг чья-то рука схватила Гарри.

– Прыгаем?! Прыгаем, подлец?!

Цирюльника оттащили вбок и треснули об доску с записями ставок. Меловая крошка разлетелась в стороны.

– Беги! – крикнул Гарри Джоакину.

Он знал, что нужно помочь. Но знал и то, что не устоит на ногах дольше нескольких секунд. Пробившись сквозь край толпы, выскользнул на лестницу, протаранил плечом входную дверь. Выпал на ночную улицу, поднялся. Держась за стену, добежал до ближайшего переулка, нырнул в него. За грудой пустых ящиков рухнул на колени и вывернул на землю содержимое желудка. Постоял на четвереньках, рвано дыша и сплевывая желчь...

От тошноты и от ночной свежести, и от тишины стало вроде бы легче. Утихло головокружение, осталась лишь тупая боль в висках. Джо поднялся, оперся на стену, подышал еще, наполняя себя чистым живительным воздухом.

Подумал: нужно вернуться. Гарри там отделают до полусмерти.

Подумал: а что я могу? Еле стою на ногах.

Подумал: не отделают. Там в другой комнате констебль, он выйдет на крики и всех успокоит.

Еще подумал: а как заметят резню в карточном зале, то вовсе забудут про Гарри!

Подумал: но это не повод не помочь. Он меня спас. Я не могу уйти.

Подумал еще: почему не могу? Он мне никто. И я больше не воин.

Подумал...

Встряхнул головой. Влепил самому себе пощечину. Проверил кинжал в ножнах, хрустнул костяшками пальцев и вышел из-за ящиков.

– Недалеко ты убежал, путевец.

Кайр Сеймур Стил закрывал собою вход в переулок. Обнаженный меч смотрел в землю, с острия падали темные капли. На теле кайра блестели несколько ран: на боку, на плече, на бедре. Ни одной глубокой, если судить по количеству крови.

– Зря сопротивлялся. Все мертвецы на твоей совести. Теперь идем к миледи.

Джо молча вынул из ножен кинжал.

– Вот как...

Северянин сделал шаг к нему, остановился. Взмахнул мечом, стряхнув капли крови, и убрал клинок в ножны.

– Так будет честнее.

С голыми руками он двинулся в атаку.

За секунду перед боем голова Джо очистилась, мысли стали звеняще, пристально ясны. Исчезло все лишнее: боль в висках, ненависть к кайру, страх за друга, брошенного в беде. Одно осталось: слово «нет». Нет, я не дамся. Нет, меня вы не возьмете. Нет тебе. Нет Ионе. Нет всем вам. Просто – нет!

Джо ударил первым. Тройной финт: ложный замах вправо, ложный выпад влево, атака снизу в пах – не предсказать, не увернуться. Однако нож не достиг цели. Рука Сеймура встретила запястье Джо, и он чуть не выронил кинжал, а Сеймур пнул его в голень. Джо отлетел, скрипя от боли, но усвоив урок. Атаковать осторожно, очень осторожно. Прوماх – смерть.

Он поднял в защиту левую руку, а правую с кинжалом увел вниз, в густую тень. Сеймур ринулся в атаку. Джо ужалил – мимо, Сеймур того и ждал. Скользнул мимо ножа, чуть не схватил Джо. Но тот отклонился и рубанул воздух – в дюйме перед носом кайра.

– Ага, – сказал Сеймур, отступая.

Джо не пошел за ним – в ловушку. Снова принял стойку, отвел кинжал в тень. Стиль скорпиона, – говорят на Юге. Джо в жизни не видел скорпионов. Он просто знал, как нужно драться, чтобы выжить.

Сеймур пошел вокруг него, выискивая брешь. Атаковал, отпрыгнул. Атаковал, отпрыгнул. Атаковал, прыгнул вбок, ударил с фланга. Джо знал, что все это – обманки, пробы. Жалил в ответ, но коротко, быстро, без цели достать. Ждал ошибки врага. Кайры тоже совершают ошибки.

Сеймур пнул ящик. Джо не глянул на звук, а взмахнул кинжалом. Кайр уклонился, пролез на малую дистанцию, ударил, целя в шею – но промазал и сам едва ушел из-под ножа.

Тогда Джо сказал:

– Долго возишься.

Сеймур атаковал – и скользнул к стене, спасаясь от ответного жала. Джо двинулся к нему, потеснил еще на шаг.

– Очень долго, северянин!

Сеймур нырнул, проскользнул под ножом, зашел в спину – но Джо успел развернуться и встретил его клинком, и снова отогнал.

– Достань меч. Без меча ты – ничто.

Сеймур повел носом:

– Тебя тошнило, что ли?

– От того, как ты смердишь.

Джо ужалил, и Сеймур отскочил без контратаки. Попятился, будто испугался.

– Возьми меч!

Джо пошел на него. Кайр, отступая, поймал рукою край плаща, вскинул вверх. Его фигура стала громадным темным пятном, будто нетопырь, раскрывший крылья. Джоакин ужалил – пятно скользнуло вбок. Он обернулся для атаки, но пятно размылось по ветру, сместилось ему за спину. Джо завертелся на месте, ожидая выпада. Но Кайр не атаковал. Он кружился темным вихрем, хлопая тканью, окутывая Джо, заходя сразу отовсюду.

– Смешно! – сплюнул Джоакин.

Но смешно ему не было: от верчения на месте закружилась голова. Концентрация терялась, в глазах начинало двоиться. Нужно победить очень быстро, иначе конец. Хорошо, что Джо оставил в запасе один прием. Он ужалил несколько раз подряд – панически, нервно, чтобы враг заметил слабость. Потом неловко замахнулся, отведя кинжал слишком далеко назад. Конечно, в эту секунду Сеймур ринулся в атаку. И Джо упал на колени, впечатался в землю, пропустил над собой кулаки врага – а сам ткнул снизу вверх... и попал!

Святые Праматери, попал!

Нож встретил плотность, замедлился, пронизывая ткани. Раздался треск разряда...

– Ты ничто, – сказал Джо, ожидая, когда враг упадет.

Но Сеймур почему-то не падал, и Джо увидел в свое ладони горящее око. Но как?.. Кинжал же разрядился!

Он еще успел понять свою ошибку: трещал не разряд, а материя; клинок пронзил плащ, а не плоть. Кулак кайра рухнул ему на затылок.

Веревки вонзались в тело, голова болталась, как горшок на палке, задница терлась о горячую конскую спину.

Джо с трудом открыл глаза. Тупая боль давила виски и затылок, тошнота подкатывала к горлу. Вряд ли Джо долго удержится в сознании, минутное просветление скоро кончится, однако сейчас можно что-нибудь понять.

Он ехал на лошади задом наперед, привязанный к чьей-то спине. Отставая на корпус, за ним следовал другой всадник: тот грей, которому Гарри попал точно в лоб. Хороший был бросок: грея до сих пор слегка шатает. Хороший, да без толку...

Прислушавшись к цокоту копыт, Джо сосчитал коней. Их было трое – значит, Сеймур едет впереди, а сам Джо привязан ко второму грею, стоявшему в засаде. Итак, северяне не потеряли никого. Сожри их холодная тьма...

Они въехали в длинный овал света, и Джо долго пытался понять, что же это такое. Сообразил лишь тогда, как увидел под собою подвесной мост. Это искровый фонарь встречает их лучом с башни. Пленник Джо доставлен в замок Ионы Ориджин – в когти волчице. Вряд ли есть сомнения в том, что ждет его впереди.

Джо подумал о том, какого свалял дурака, когда имел в руках нож. Нужно было всадить его себе в грудь – и оставить волков с длиннющим носом! А теперь сделают с ним все, что

захотят... Ладно. Пожалуй, попытка того стоила. Он почти убил кайра Сеймура. Если б не закружилась голова... Почти победил. Будет что вспомнить на Звезде.

Они въехали во двор замка, и вокруг раздалось множество звуков. Хлопнули запираемые ворота, скрипнули тетивы арбалетов, звякнули кольчуги на воинах. И чей-то голос:

– Господа, прошу вас остановиться.

– Лейтенант, вы ослепли? – рыкнул в ответ кайр. – Я Сеймур Стил, со мной мои греи.

– Я вижу, кто вы. Требую передать нам пленника.

– Он принадлежит миледи.

– Вы ошибаетесь, кайр. Этот замок принадлежит милорду. Миледи тоже принадлежит милорду.

– Скажите это ей самой!

– В лошадь, – ответил лейтенант.

Тявкнули два арбалета. Лошадь кайра упала, зашлась предсмертным хрипом, затихла.

– Надеюсь, я донес свою мысль, кайр Сеймур.

Кайр подошел к Джоакину и обнажил меч. Несколько вдохов внимательно смотрел на него, будто взвешивая некое решение. Потом рассек веревки, и Джо рухнул наземь, и вновь лишился чувств.

Северная птица – 4

20-21 мая 1775 г. от Сошествия

Уэймар

– Леди Иона, я хочу поговорить о лорде Эрвине. Это смертельно важно для меня. Прошу, выслушайте терпеливо, постарайтесь понять. Вы киваете, по выражению лица вижу, что запаслись терпением. Благодарю вас, леди Иона. Мне так необходимо... Мой брат Сомерсет ненавидит вашего брата. Считает негодяем и мерзавцем, и презирает тем сильнее, чем выше взлетает лорд Эрвин. По мнению Сомерсета, Эрвин мог взять меня с собою на вершину и заслуживает презрения лишь потому, что не сделал этого. Наши почтенные родители смотрят не лучше, хотя мотивы их совершенно иные. Отец – граф Флейм, мать – урожденная леди Лайтхарт; их семьи понесли тяжкий урон от Шутовского заговора и возвышения Фарвеев. Мою связь с лордом Эрвином... не так, иначе: меня саму, мои лазурные глаза, красоту, воспитание они видели средством своего реванша. Они строили планы, что я вступлю в связь с ценным для них человеком и сумею (более того – захочу) оказывать на него нужное влияние. Это слова отца, я цитирую дословно: «Оказывать нужное влияние». Наперед не разъяснялось, какое влияние потребуется. И вот, я вступила в связь... омерзительные слова. Будто любовь, биение сердца и дыхание души не стоит ничего, а имеет вес лишь наличие доказуемой связи! Однако мать и отец ликовали, я вступила в связь с будущим герцогом Ориджином. Что от меня ожидалось? Я должна была тратить наши вечера и ночи на «оказания влияния»? Я делала лишь то, чего жаждала моя душа. Я была счастлива... Простите, леди Иона. Я ужасно, непозволительно многословна, но это единственный раз, простите мне его. Хочу передать главное, но тщусь подобрать слова. Я понимаю вашего брата – боги, как тускло звучит. Принимаю его – наглая снисходительность. Люблю – да, но не в этом суть. Видите ли, как только начался мятеж, я уже знала, что Эрвин потерян для меня. Выбор был лишь в способе, которым осуществится потеря: нас разделит смерть Эрвина либо его взлет. Конечно, я молилась о втором. Леди Иона, я знала, что в случае победы Эрвин женится на Минерве Стагфорт и наденет корону, и больше не разделит со мною ни одной ночи – но я молилась о его победе. Я пролила слезы радости, когда он подписал мир. Плакала от счастья в день коронации, увидев Эрвина более властным и блистающим, чем сама императрица. Но больше ни разу я не появлялась при дворе. Эрвин слал мне письма – я не нашла сил ответить хоть на одно. Эрвин отправил за мною своего кайра – я попросила Сомерсета спровадить его. И сменила дом, чтобы больше не читать писем, не отвечать вассалам Эрвина. Однако, леди Иона... Я по-прежнему люблю вашего брата. А через него – и всех Ориджинов, и весь Север. Я не могу видеть Эрвина, пока пламя не утихнет в моей душе. Но я его друг и ваш, и хочу, чтобы вы оба это знали.

Их беседа состоялась ночью, сразу по прибытии в замок. Иона не могла спать, увлеченная мыслями об узнике, Нексия – взволнованная встречей с Ионой. Гостыя попросила ромашкового чаю, который успокаивает встревоженные души и помогает призвать богиню сна. Хозяйка ответила, что на Севере пьют ордж в случае бессонницы (а равно и в любом другом случае), но она с удовольствием опробует новое средство. Однако слуга доложил, что ромашкового чаю нет в наличии, потому не заварить ли дамам липового цвета? Нексия вежливо уточнила, помогает ли уснуть липовый цвет. Слуга заверил, что липовый цвет крайне полезен для желудка, а для крепкого сна есть другое средство: понюхать валерьяны. Нексия усомнилась: от валерьяны бесятся кошки, значит, и тревожным девицам она тоже противопоказана. Не лучше ли, – сказала Нексия, – съесть тыквенной каши? Ведь она такая... усыпляющая.

Иона выдала встречное предложение:

– Миледи, желаете «Историю дворянских родов» в шестнадцати томах?

Гостья возразила:

– Гораздо лучше было бы, миледи, послушать игру на арфе. В детстве я всегда засыпала от звуков арфы, даже если играла я сама.

– Большая жалость, – вздохнула Иона, – наш замок совершенно не обеспечен арфами. Даже не знаю, как справимся в случае осады... Но могу приказать часовым каждые полчаса делать переключку во весь голос. Эрвину это помогало уснуть.

Нексия глянула не то с нежностью, не то с грустью:

– Леди Иона, вы так похожи...

И потом вдруг, без предисловия выплеснула свой громадный монолог.

Он произвел сильное впечатление. Яркость и противоречивость чувств леди Нексии, ее отчаянная искренность, ее счастье и горе, втиснутые в одну словесную вспышку – все вместе лишило Иону дара речи. После паузы, справившись с собою, Иона сказала:

– Мы очень много задолжали вам, миледи. Поскольку такие долги не отдаются ни деньгами, ни властью, то мы бессильны вернуть. Но прошу, не считайте нас черствыми и неблагодарными. Знайте, что я и Эрвин – ваши друзья и ваша поддержка в любую трудную минуту. Когда вам понадобится помощь, скажите одному из нас.

– Все, чего я хочу сейчас, – чувствовать ниточку, связывающую меня с ним. Мечтаю, что когда-нибудь позже, когда утихнут пожары, я смогу увидеть его без страха.

– Если пожелаете, я буду вашей нитью.

Нексия улыбнулась с детской открытостью:

– Пожалуй, теперь смогу уснуть.

Иона спросила:

– Миледи, не поможете ли и вы мне в щекотливом деле?

– Почту это за счастье.

– Научите меня любить.

Нексия развела руками:

– Увы, боюсь, вы обратились не по адресу. Вы любимы более, чем я.

– Говорю не о том, как быть любимой, – это несложная наука. Как любить самой? Как стать хорошею супругой?

Нексия размышляла очень недолго:

– Просто нужно знать, что на свете никого нет лучше вашего избранника.

– Никого лучше... – повторила Иона, и тогда услышала во дворе голоса.

Иона знала множество признаков приближения схватки. Особый взгляд воинов – острый и невидящий, яркий и потухший; особая стойка – будто бы расслабленная, еще стремящаяся скрыть готовность; движение руки, отбросившей край плаща или куртки, убравшей препятствия на пути к эфесу... И, конечно, тембр голоса – такого не услышишь никогда, кроме минуты перед боем.

Иона выбежала на балкон, не разобрав ни слова, уловив лишь тональность. В сумрачном дворе две дюжины солдат Виттора окружали трех северян – двух верховых, одного пешего. Лошадь кайра Сеймура умирала, тихо хрипя простреленной глоткой. Сам Сеймур стоял с обнаженным мечом, у его ног лежал Джоакин Ив Ханна.

– Что происходит, господа?

– Миледи, пленник доставлен по вашему приказу. Солдаты графа пытаются его отнять.

Голос Сеймура звучал слишком холодно – даже для человека, чью лошадь убили. Она присмотрелась. Одежду кайра покрывали пятна крови – вне сомнений, свежие.

– Лейтенант Бласк, вы посмели атаковать моих людей?!

Офицер Виттора поклонился ей.

– Никак нет, миледи. По приказу милорда мы изымаем пленника, незаконно захваченного вашими воинами.

– Что означает – незаконно?

– Кайры устроили бойню в трактире и убили нескольких горожан. Многие ранены.

В глазах у Ионы потемнело.

– Сеймур, ко мне!

– Миледи, как быть с пленником?

– Оставьте его, и ко мне! Немедленно!

Деревянным голосом Иона попросила прощения у Нексии и ринулась в свой кабинет. Минуту спустя там оказался и Сеймур.

– Кайр, объяснитесь.

– Миледи, выполняя ваш приказ, я разыскал Джоакина Ив Ханну в трактире Одноглазого. Джоакин оказал сопротивление, его поддержали дружки из трактира. Я преодолел эту трудность. Не извольте беспокоиться.

– Преодолели трудность?.. – у нее пересохло горло. – Ск... сколько?

– Четырнадцать человек, считая самого Джоакина. Но грей сразу вывел его из строя, в бою участвовало только тринадцать. Было не сложно миледи.

Она поморгала, пытаясь понять, разобрать странную интонацию в голосе кайра.

– Было не сложно – что это значит?

– Мужичье, миледи. Вооружены чем попало: ножами, стульями, бутылками. Правда, за счет внезапности они оглушили грея, но все равно проблем не возникло. Я уложился в пару минут.

Иона поняла, что слышит: хвастовство! Сеймур доволен, что одолел тринадцать человек. Ждет похвалы от миледи. Холодная тьма!

– Сколько из них уцелело?..

– Один подлец убежал. Кстати, вы его знаете: Гарри Хог, цирюльник графа.

– Вы убили двенадцать человек?!

– Не знаю в точности, – повел плечами Сеймур. – Четверо мертвы наверняка, об остальных не уверен. Я не тратил времени, чтобы добить их. Главной целью был Джоакин.

Гнев и стыд сдавили ей горло. Долго Иона не могла вымолвить и слова, хотя мучительно пыталась. В ней кипело и бурлило, ее переполняло, ее разрывало на части. Сеймур пялился на нее, как баран. Он будто силился понять, чем недовольна миледи. От его тупости Иона вскипала еще сильнее. Наконец, ее прорвало:

– Тьма! Тьма сожри! Предельно осторожно! Я это сказала! Я приказывала: предельно осторожно! Как вы могли?!

Кайр... улыбнулся. Да, правда, он сделал именно это: растянул губы в ухмылку! Он понял, наконец, чем недовольна миледи, и просиял:

– Простите, что не пояснил сразу. С пленником я был крайне осторожен, как вы и приказали. Он бросился на меня с искровым кинжалом, однако я вложил меч в ножны и сразился голыми руками. Путевец не получил ни единой раны. Только пришлось ударить его по затылку – возможно, это привело к сотрясению. Три дня – и будет как новенький.

– Вы были осторожны... с путевцем? Только с ним?!

– Согласно приказу, миледи.

Иона подумала, что перед нею – не человек, а глухой камень. В тщетной попытке докричаться до его души, она повысила голос:

– Сеймур, вы убили моих подданных! Честные горожане, ни в чем не повинные, пали от вашего меча!

– Вот тут вы ошибаетесь, миледи. Они первыми напали: цирюльник вырубил грея, а другой мужик пырнул меня в спину ножом. К счастью, я успел уклониться.

– Вы сказали, что грей вывел из строя Джоакина. Значит, грей уложил путевца, и лишь потом цирюльник уложил грея!

– Да, это верно.

– Значит, первым атаковал грей! С вашего согласия, очевидно!

– Миледи, он не атаковал. Только ударил путевца рукой и ногой, чтобы тот стал стговорчивей. Разве это атака?

Иона отвернулась, не в силах видеть самодовольное лицо кайра. Вздохнула. Вздохнула. Вздохнула глубоко, пытаясь вернуться к равновесию. Не выходило. Никак. Она любит мужа. Она любит этот город. Она ненавидит жестокость! Двенадцать человек!..

– Кайр, дайте ваш кинжал.

Он выхватил оружие, лихо подбросил, поймал за острие, подал Ионе рукоятью вперед.

Она поймала окровавленный угол его плаща. Проткнула материю кинжалом, отхватила широкую полосу. Сунула в руки удивленному кайру.

– Вы более не капитан моей стражи. Передайте командование кайру Ирвингу, примите обязанности рядового. Если причините вред еще одному мирному человеку – не убьете, а просто причините вред! – вы лишитесь плаща. Пусть этот лоскут служит напоминанием.

Сеймур потемнел. Лицо вытянулось, челюсть отпала.

– Миледи, но вы же приказали...

В этот миг распахнулась дверь. Граф Виттор окинул кабинет коротким взглядом – и бросил Сеймуру:

– Вон.

– Милорд, вы не...

– Вон! – прошипела Иона.

Сеймур ушел прочь, багровый от обиды.

Виттор обошел кабинет медленными шагами, по кругу осматривая жену – будто выбирая, с какой стороны начать избиение. Иона уронила голову.

– Прости меня...

– Шшш, – он поднес палец к губам.

– Я хочу сказать...

– Шшш! Душенька, сейчас говорю я.

Она умолкла. Виттор остановился у нее за спиной, Иона не посмела обернуться. Он заговорил ей в затылок:

– Когда я полюбил тебя, когда звал тебя замуж, я предложил тебе кое-что. Помнишь? Я сказал, что увезу тебя в края, где нет места насилию и жестокости. Я сказал, что ты больше не услышишь звон железа и стоны умирающих, что смерть станет нежеланной гостьей, а не хозяйкой в твоём доме. Помнишь, как я обещал избавить тебя от ужасов Первой Зимы?

– Да...

Муж закричал так резко, что она съежилась от испуга:

– Тогда какого черта ты привезла всю эту дрянь с собой?! Как ты смеешь убивать моих людей?!

– Я... прости меня...

– Молчи! Молчи, сожри тебя тьма! Ты хоть понимаешь, как мерзко поступила?! Ты привела смерть и ужас в мой дом – наш дом!

– Я не хотела... должно было иначе...

– Я приказал тебе молчать! – он схватил ее за волосы, готовый рвать и причинять боль.

Иона затихла и замерла, не смея даже вздохнуть. Откинув ее голову назад, Виттор зашептал прямо в ухо: – А ты еще смела упрекать Мартина. Он убивал с туманным рассудком, ведомый болезнью... Но ты отлично понимала, что делаешь!

Он оттолкнул ее, Иона с трудом удержалась на ногах.

– Я думал, что ты другая. Думал, отличаешься от прочих северян. Но ты – достойное дитя своего рода. Ты их гордость! С-северная Принцесса...

Вряд ли чем-нибудь – клинком или огнем – он смог бы ранить ее больше, чем этими словами.

Обойдя спереди полуживую жертву, Виттор взял ее за подбородок, заглянул в глаза:

– Теперь позволяю говорить. Зачем тебе нужен Джоакин?

Она выкашляла:

– Эрвин просил меня...

– Дай письмо.

Иона безропотно раскрыла ящик, подала мужу ленту. Он прочел.

– Ни о чем не волнуйся... Все сохраню в тайне... Что – в тайне?

Она не смогла солгать.

– Светлую Сферу... Я рассказала брату...

– Вот как.

Виттор скомкал письмо, взвесил на руке, будто собираясь бросить в лицо Ионе... Уронил на пол.

– Вот, значит, как.

– Я сказала, что это... моя вина. Сказала, ты ради меня...

– Благородненько, – с явным презрением выплюнул Виттор.

Развернулся и зашагал к двери.

Иона бросилась следом. Если он выйдет таким, с такими мыслями о ней... Не вообразить ничего хуже!

– Постой, – она вцепилась в него, – ну постой же! Прости меня, умоляю! Я не хотела... Я приказала: очень осторожно. Но должна была понять, подумать, как кайры... Должна была пойти сама... Я виновата, любимый! Я виновата ужасно, непростительно... Но я так не хотела!

Он долго смотрел ей в глаза.

– Знаешь, чего я жду? Слез. Если б ты верила себе, ты б заплакала.

– Я не умею... – выдавила Иона. – Прости меня...

– Ты – ледышка. Северная дрянь.

– Я – северная дрянь, – прошептала она. – Я люблю тебя. Прости, если можешь...

– А сама ты можешь себя простить?

Иона покачала головой:

– Не могу.

Виттор едва заметно кивнул:

– Ладно... Я постараюсь.

Он сделал движение – едва коснулся ее волос, будто думая погладить. Но и это было много. Очень много.

Прежде, чем уйти, Виттор сказал:

– Твои кайры вернутся в Первую Зиму. Сейчас у нас гости, при них не стоит раздувать скандалы. Но едва Флеймы уедут – уедут и кайры.

* * *

Встреча гостей с графом Шейландом состоялась утром и прошла в самых радушных тонах. Виконт Сомерсет тепло поблагодарил графа за приглашение и за возможность стать посредником в важной дипломатической миссии. Леди Нексия призналась, что путешествие развеяло ее печали и спасло от хандры – граф будто чувствовал, как помочь ей. Виттор же высоко оценил, что гости бросили столичные развлечения ради поездки в унылый туманный

Уэймар. Если кто-то в этом городе и стоит такой жертвы, то только Северная Принцесса. Гости от всей души согласились.

Затем обменялись подарками. Леди Ионе достался удивительный медальон с ликом Светлой Агаты работы надеждинских ювелиров, графу Виттору – изысканный мужской парфюм, столичная диковинка, едва вошедшая в моду. Граф же подарил Сомерсету искровую шпагу, а Нексии – редкой красоты игреневую кобылу.

– Красавица! – восхитилась Нексия. – Богиня мечты могла бы ездить на такой!

После завтрака и утреннего кофе граф Виттор повел с гостями беседу о делах. Они обсудили брак приарха Альмера со внучкой Фарвеев и последствия, из него вытекающие. Коснулись первых заседаний Палаты, суда над Менсоном, отравления Леди-во-Тьме. Разговор велся непринужденно, со светскою легкостью. Собеседники сыпали остротами и ни во что не углублялись сверх меры, а лишь намечали свое отношение к событиям – чтобы ни в коем случае не создать повода для спора.

Иона слушала их будто сквозь толщу воды. Лежала на дне грязного озера, придавленная глубиною, не слыша голосов, почти не видя людей сквозь илистую муть. Она ощущала себя больной, изломанной, разрушенной. Все давалось с трудом: движения, слова, мысли, дыхание. Не хотелось ни выздороветь, ни утешиться, ни чего-либо иного. Желание требует душевных сил, а их не было.

Память представляла собою черную пропасть. Ступить мыслями в события минувшей ночи – означало рухнуть вниз и без конца падать, падать в чувство собственной ничтожности. Иона не могла перешагнуть эту пропасть и подумать о чем-то более раннем. Минувшая ночь будто отсекла от нее всю предыдущую жизнь. Те, прежние годы больше не принадлежали ей.

А Виттор все продолжал болтать с гостями. Они говорили теперь о каком-то предложении приарха, его суть не оглашалась – а может, Иона просто упустила смысл. Предложение обсуждали с таким же беглым остроумием, как и все прочие темы. Кажется, оно забавляло собеседников – особенно всех веселила мысль, что такой ортодокс, как Галлард, мог породить новую идею. Виттор беззаботно шутил об этом, Нексия смеялась, прикрыв рот ладонью.

Удивление – вот первое чувство, возникшее в душе Ионы после катастрофы. Это чувство было чуть светлее мрака и чуть теплее льда, потому выделилось из темноты. Как Виттор может шутить? Нексия и Сомерсет не знали, что случилось ночью, а если бы и знали – это мало касалось бы их. Но Виттор способен шутить и смеяться – как?.. Ему хватило нескольких часов сна, чтобы преодолеть все?..

От этих мыслей Ионе сделалось только хуже. Она понимала, что долг истинного лорда – именно таков: скрывать при гостях любую печаль, не терять остроумия и трезвости ума. Виттор вел себя безукоризненно, и на его фоне Иона казалась себе еще более ничтожной. Не в силах больше терпеть, она сослалась на головную боль и попросилась удалиться. Виттор одарил ее теплой улыбкой:

– Конечно, душенька! Не утомляй себя.

Она позорно сбежала и заперлась в спальне. Мучения лишь усилились. Покой и тишина, только что желанные, оказались новыми инструментами пытки. Иона привыкла думать и чувствовать, давать пищу уму и душе. Досужая болтовня гостей хоть как-то, хоть чем-то занимала ее. В уединении ум Ионы машинально искал себе применения – и неизбежно касался вчерашних событий. Так язык не может не трогать шаткий больной зуб.

Иона вновь и вновь казнила себя. За гибель невинных. За кровожадную тупость Сеймура. За чудовищный скандал с Виттором. А पुще прочего – за собственную ранимость. Отцу, Эрвину, Роберту – всем в ее семье – доводилось совершать ошибки. В том числе и такие, из-за которых гибли люди. Каждый из них находил мужество дальше командовать войском и принимать решения, ведь это – тоже долг лорда: устоять на ногах даже после катастрофы. Но Иона этого не могла. Вина полностью раздавила ее.

Она даже не сразу услышала стук. Леди Нексии пришлось постучать еще раз, лишь тогда Иона открыла дверь.

– Простите меня, леди Иона. Если право сбежать от скучных бесед – ваша привилегия, то я бесстыдно украла ее. Я пришла за разговором о чем-нибудь интересном.

Иона хотела намекнуть: мол, эта комната – моя спальня, а не приемная, и дверь отнюдь не случайно заперта изнутри. Как тут поняла: Нексия пришла помочь ей.

– Входите, миледи.

Нексия вошла и с неожиданным для нее нахальством уселась прямо на кровать.

– Леди Иона, вы знали, что шут Менсон – мужеложец?

– Простите?..

– Это вскрылось на суде – можете представить! Прямо на первом заседании. Судья Кантор вызвал свидетелей, чтобы оценить моральный облик Менсона. Один лакей возьми да и скажи!

– Что – скажи?

– Ну, это самое. Миледи, я не могу повторить такое. Разве что шепотом. Сядьте рядом со мною...

Иона подчинилась – села и выслушала. Как бы ни были сейчас ей безразличны дворцовые сплетни, но все-таки проснулось удивление.

– Вы полагаете, это правда?

– Конечно! Лакей-то мог и соврать, но его слова подтвердил Шаттэрхенд, гвардейский капитан! Лазурник ни за что не солжет на суде, еще и в присутствии владычицы!

– Но отчего Менсон выбрал лакея? Разве не мог найти кого-нибудь более...

– Кто-то другой мог и выдать его наклонности, а лакей из страха промолчал. Он бы и дальше молчал, если б не прямой допрос на суде... – Нексия мечтательно закатила глаза. – Знаете, миледи, я никогда прежде не видела мужеложца. По крайней мере, такого, о котором известно. Мне теперь даже хочется поговорить с ним, узнать получше. Конечно, в случае, если его не казнят – а это очень вероятно... Леди Иона, вы встречали мужеложцев?

Она ушла от ответа:

– Все же это странно. Менсона множество раз видели с девушками. У него и жена имеется... точнее, имелась.

Иона поздно поняла, что сказала бестактность. Жена Менсона, вероятно покойная, приходилась теткой леди Нексии.

– Прошу, простите меня!

– Ах, ничего страшного, я едва ее помню. К тому же, говорят, она не умерла, а была сослана куда-то. Должно быть, на Фольту или Тысячу Осколков. Возможно, даже снова вышла замуж... – Нексия усмехнулась: – То-то она удивится, когда прочтет в «Голосе Короны», что Менсон оказался мужеложцем!

– Это напечатали в «Голосе Короны»?

– Конечно!

– Такую грязь?!

– Это не грязь, а показания свидетеля. Суд должен быть прозрачным, разве нет?

Иона опустила взгляд и отметила:

– Мы сидим на моей постели.

– Я закрепляю успех. Прийти в чужую спальню и не посидеть на кровати – это было бы полумерой.

Иона ощутила тень улыбки на своих губах.

– Благодарю вас, леди Нексия.

– Нет! Нет-нет-нет! Неужели думаете, что отделаетесь так легко? У меня огромные планы на ваше нынешнее будущее. Будьте любезны, покажите мне город!

Иона не успела оглянуться, как Нексия от ее имени призвала слуг, велела заложить карету, переодеть госпожу, усадить госпожу в карету и сообщить господину, что госпожа удалилась на весь день – исполнять мучительный долг перед гостьей.

Поначалу Ионе не хватало сил выдумывать маршрут. Нимало не смущаясь этим, Нексия приказала кучеру:

– Выбирайте красивые улицы и не останавливайтесь.

Карета мчалась по аллеям, площадям и набережным Уэймара, а Нексия болтала без умолку. Нельзя было не заметить ее мастерство. Есть говоруны унылые, без фантазии: выбрав предмет, топчутся на нем без конца, перетирают одно и то же. У других болтунов много тем в запасе, но все пустые: что увидел – о том и сказал. Леди Нексия гениально придумывала темы для беседы: что она скажет в следующую минуту – всегда неожиданность. Вот она описывала шиммерийского принца и его альтесс, с чуткостью художника подмечая занятные детали. Вдруг, без видимой связи, взяла и повела речь о чайном парфюме. Да-да, теперь очень популярен парфюм с оттенком зеленого чая. Но заметьте: именно зеленый чай всегда связывался с размышлениями – значит, начинается мода на умных женщин. Любопытно, отчего? Слава владычицы – причина этой моды или следствие? Как вы думаете, миледи? Иона не смогла придумать путного ответа, и Нексия легко порхнула к новой теме. А вот возьмем серебряную елену. Вам попадались елены старой чеканки, юлианиных времен? Они почти не потемнели. Там в серебре есть добавка платины, потому старая монета смотрится как новая. В народе говорят о старухах, которые молодятся: нашлась юлианина елена! Насмежаются, будто это – что-то плохое. А я подумала: ведь лучше следить за собой, подольше хранить красоту и привлекательность, чем раньше времени уложить себя в гроб. Бывают дамы, которые говорят: мне уже не к лицу, мне уже поздно, не в мои-то годы... Но Мириам Темноокая в девяносто лет крутила романы! Я бы хотела – как она. А вы, миледи?.. Кстати, о Мириам. Вы видели петушинные бои? На шхуне, которой мы плыли сюда, везли петухов-драчунов. Матросы на потеху устроили побоище. Говорят, что петухи дерутся за кур. Но на шхуне не было ни единой курицы, а бой все же легко состоялся! И вот что я подумала...

Незаметно для себя, Иона втянулась в беседу. Перескок с темы на тему отвлекал ее мысли, не давал свалиться в бездну тоски. Частые вопросы подталкивали говорить, обсуждать, даже спорить. Прошел час или два – и ее состояние настолько улучшилось, что сама Иона попробовала предложить тему:

– Леди Нексия, нынче утром много говорили о Галларде Альмера, будто он нечто особенное предложил. Признаться, я упустила суть: в чем была его идея?

– О, миледи, идея стара, ее не раз уже поднимали в Палате. Вряд ли Галлард смог бы выдумать что-то новое. Однако он понял, что новизна теперь в моде, и выдал сушеное яблочко за свежее.

– Так в чем же суть?

– Я бы сказала: в поисках баланса. Корона и Великие Дома – две чаши весов. У Короны сила оружия, у Домов – численность войск. У Короны научные новшества, у Домов – просторные земли. У Короны контроль над рельсами, у Домов – над морями. За Короной судебная власть, за Домами – законодательная. И так во всем, кроме одной асимметричной детали: тайной стражи. Протекция расследует преступления против Короны, но нет службы, что занималась бы злодеяниями против Великих Домов. Леди-во-Тьме отравлена, и расследование ведет протекция – подвластная не Леди-во-Тьме и не лордам Палаты, а Короне. Протекция может завести следствие в тупик, или даже вовсе бросить его – поскольку нет видимой угрозы для владычицы. Лордам не нравится, что следствие всегда идет в пользу Династии.

– Протекция теперь подчинена Эрвину, и я уверена, что отравитель будет найден.

– Конечно, я тоже в это верю. Но сам вопрос остается. Он даже обострился: ведь протекция так и не нашла похищенные Предметы! Тайная стража не может защитить даже собственность Короны. Лордам и подавно нечего ждать защиты.

– Что же предложил Галлард Альмера?

– Он назвал это священной стражей. Излишний пафос, не правда ли? Суть такова: создать монашеский орден, целиком занятый расследованием преступлений и подвластный Церкви, а не Короне. Орден будет иметь представительства во всех землях Полариса. Всякий, кто пострадал от злодеяния, сможет обратиться туда за правосудием. Даже лорд Великого Дома.

– Звучит странно, – отметила Иона.

– Еще бы. В таком виде приарх предложил задумку герцогу Фарвею, и тот раскритиковал ее. Вместе они создали план получше: пускай священная стража состоит из монахов и рыцарей, а подчиняется Церкви и Палате. Скажем, управлять ею будут четыре магистра – по два от Палаты и Церкви. Тогда стража будет непредвзята и сможет защитить любого жителя Полариса.

– Минерва не допустит этого. По сути, это же вторая судебная власть, и более сильная, чем верховный суд Короны.

– Согласие владычицы не обязательно, достаточно лишь набрать большинство в Палате.

– Откуда взяться большинству? Кто поддержит эту странную идею, кроме Галларда с Фарвеем?

Тут Нексия удивленно воззрилась на Иону.

– Миледи, вы не знаете?.. Думалось, вы ставили лишь вопросы, чтобы поддержать беседу. Дали мне возможность поболтать о важных материях – было очень приятно.

– Я рада доставить вам умственное удовольствие, однако действительно не понимаю кое-чего. Идея звучит как-то чудно, да и вы с Виттором смеялись над нею. Но приарх Галлард не из тех, кто станет строить комичные планы.

– Нас веселила попытка Галларда представить старую чужую идею – свою и новую. Но план отнюдь не провален. Его поддерживают уважаемые лорды: герцог Фарвей, ваш отец, ваш муж...

– Простите?.. Мой отец? Мой муж?!

– Боги! Вас держат в неведении? Как жестоко с их стороны! Впрочем, все решилось недавно. Быть может, просто не успели посвятить вас. Графу Виттору предложат место одного из магистров священной стражи потому, что он ухитрился сохранить нейтралитет в последней войне, и потому, что его сеть банков – хорошая опора для стражи, не хуже монашеского ордена. Полагаю, он согласится. А ваш лорд-отец – мудрый человек, и видит, что владычица еще слишком юна для всей полноты власти. Ее молодость – хорошее время, чтобы сдвинуть чашу весов в пользу Великих Домов. Пожалуй, скоро это поймут и остальные лорды.

Иона была еще слишком подавлена для серьезных размышлений. Она просто запомнила сказанное, не обдумывая, и ответила леди Нексии:

– Вы очень хороши в политике. Герцог Фарвей не зря выбрал вас своей посланницей.

Взгляд синих глаз затуманился грустью.

– Я старалась не для него, а для вашего брата. Три года назад я ничего в политике не смыслила, но Эрвин хотел говорить о ней. Я изучила все, что смогла.

– Извините меня. Я очень неуклюжа сегодня. И, вероятно, совсем утомила вас.

– Пустое, миледи.

– Все нет. Я весьма благодарна, вы не только заметили мою печаль, но и смогли развеять ее. Позвольте чем-нибудь отплатить.

Нексия не задумалась ни на секунду:

– Покажите мне что-нибудь красивое. Кучер, кажется, знает лишь один приятный маршрут, и я уже помню на нем каждое дерево.

Иона легко сделала выбор. Через четверть часа они вышли из кареты перед церковью Праматери Вивиан.

Канон велит, чтобы всякий праматеринский храм должен отражал черты своей покровительницы. Янмэйские соборы подавляют величием и пафосом, агатовские церкви тянутся к небу утонченными шпилями, софиевские пестрят пухлыми мраморными младенцами. Храмы Глории богаты скульптурными группами и живыми сценами на фресках, поскольку Заступница много общалась с людьми. Церкви Елены-Путешественницы украшают картины дальних краев и бушующих морей...

Когда девушки вошли в церковь, Нексия затаила дыхание, не веря глазам. Алтарь заменял собою мраморный фонтан. Праматерь Вивиан держала в руках две амфоры, из которых струилась вода. Она наполняла одну за другою восемь чаш, расположенных ступенями, а из нижних текла ручейком в круглый бассейн по центру нефа. Блеск и журчание воды наполняли храм жизнью, а дополняли впечатление витражные окна. Они делили солнечный свет на яркие пучки лучей, окрашенных во все цвета радуги. Разноцветные пятна плясали по мозаичному полу, беломраморным стенам, искристой воде бассейна.

– Какая красота! – воскликнула Нексия, выйдя в центр зала.

Она закружилась, чтобы рассмотреть все узоры света. Мозаика лучей укрыла и фигуру самой девушки, будто сделав ее частью храма.

– Праматерь Вивиан – покровительница праздника, – сказала Иона. – Ее храмы созданы, чтобы дарить радость.

Нексия прошлась вокруг зала, рассматривая скульптуры. Все они изображали веселье: танцующих людей, объятия влюбленных, музыкантов с лирами и свирелями, играющих детишек. Тут и там сверкали серебристые цветы, золоченые радостные солнца. Даже Иона, несмотря на тоску, не сдержала улыбки. А Нексия почти смеялась, кружась в радужных лучах, как вдруг помрачнела от мысли:

– Почему храмов Вивиан так мало? В Фаунтерре я не знаю ни одного...

Ей ответил священник, появившийся из бокового нефа:

– Дворяне склонны жертвовать на храмы своих Праматерей. А род Вивиан не слишком состоятелен.

– Здравия вам, святой отец! Простите, что...

– Не заметили меня? Так и задумано, – священник усмехнулся, разведя руками. В своих белых одеяниях он напоминал мраморную скульптуру, каких много вокруг. – Служитель Вивиан не должен смущать прихожан своим видом.

Иона поприветствовала его. Нексия призналась, что впервые попала сюда, и священник стал показывать ей церковь. Под его руководством дамы обошли все нефы, любуясь красотою. Иные священники склонны много говорить, нахваливая свою Праматерь в сравнении с остальными. Этот был не таков. Он рассказал лишь, что храм построен недавно, на деньги графа Винсента Шейланда, и теперь Уэймар может похвастаться крупнейшим храмом Вивиан во всех северных землях.

От обилия света и пляшущих фигур Иона все больше улыбалась, и вдруг ощутила смущение.

– Простите, святой отец, мне лучше покинуть вас. Храм навевает веселье, с моей стороны было бы кощунственно поддаться ему. Прошлым вечером случилась трагедия.

Священник одарил ее внимательным взглядом. Иона подумала: сейчас он из вежливости спросит: «Какая трагедия?» – и тем самым допустит огромную бестактность. Но святой отец понял ее состояние и сказал иное:

– Миледи, не смею задерживать вас, если желаете уйти. Но должен заметить, что вы неправы. Нет кощунства в том, чтобы пережить минуту радости в день трагедии. Напротив: радость для того и дана богами, чтобы освещать самые темные дни.

– Разве можно смеяться, когда другого постигло несчастье или смерть?

– Нельзя не смеяться, миледи. Душа человека завяла бы от непрерывного горя, потому лучи веселья то и дело прорываются сквозь печаль, как бы мы ни старались хранить траурный вид.

Иона хотела поспорить, казалось важным оградить свою печаль от нападков, не дать никому развеять ее. Однако пришлось признать, что священник прав. Иона вспомнила многочисленные похороны, какие повидала: на каждом непременно случалась минута, когда все смеялись. Само собою так выходило, будто боги нарочно веселили людей. Кошка задела свечку, и ее хвост задымился, вдова уселась на блюдо с окороком, важный гость начал речь, но забыл, как звали покойника...

– И все же, я бы не хотела, чтобы после моей смерти все веселились до упаду.

– А я бы хотела, – возразила Нексия. – Это лучше, чем плакать навзрыд. Если б можно было умереть как-нибудь так, чтобы всем стало весело – я бы выбрала этот способ.

Иона вспомнила двух всадников графа Майна, которые выехали на ристалище в туман и столкнулись не копытами, а лбами. Против воли она издала смешок, но быстро овладела собою. Сказала строго:

– Святой отец, этот храм выстроен на деньги графа Винсента. Неужели день смерти графа хоть чем-нибудь вас порадовал?

Священник повел бровью:

– Леди Иона, я не хочу прогневить вас своим ответом.

– Однако в этих словах уже половина ответа, так скажите же остальное.

– Ровно в час смерти графа Винсента его сын и ваш муж, лорд Виттор, находился здесь, со мною. Я хорошо это помню: позже адъютант графа примчался прямо сюда, чтобы сообщить о беде. Лорд Виттор вел со мною долгую беседу, и мне памятно ее содержание. Неделю раньше из темницы сбежал кто-то, по всему городу рыскали солдаты в поисках беглеца. Это весьма тревожило добрых горожан: они видели мечи и думали, что грядет война. Я поделился этим с лордом Виттором, а он рассмеялся: «Глупые мешчане!» Я ответил милорду: нельзя высмеивать людей за страх перед войною. А он сказал: «Смеюсь не над страхом, а над верой, будто война случается сама собой, внезапно, как гроза». Но прошлая Война за Предметы именно так и случилась, – возразил я. Для нее была лишь одна причина – воля богов. И ваш муж ответил: «Поверьте, волю богов понять несложно».

– Что же радостного во всем этом?

– То, миледи, что ваш муж оказался прав. В тот вечер я не придал веры его словам. Но он стал графом, и мы вот уже пять лет наблюдаем его успехи. Граф Виттор утвердил мир со всеми соседями, достиг огромных высот в банковском деле, добился процветания для Уэймара и всего графства, сделался советником владыки и вашим мужем. Теперь я знаю, что нами правит человек, который истинно понимает волю богов и потому получает их помощь. Может ли быть более радостное открытие для священника?

Иона не нашла, что возразить. Полюбовавшись еще красотами храма, девушки вернулись в экипаж, и Нексия сказала:

– Странно, что вам требуются уроки любви. Должно быть легко любить вашего мужа, он прекрасный человек.

Северная дрянь, – всплыло в памяти Ионы.

– Он прекрасен, быть может. Но не я.

Стрела – 8

Второе заседание верховного суда Империи Полари

21 мая 1775 г. от Сошествия

Здание Палаты, Фаунтерра

Едва судья Кантор открыл заседание, Ворон Короны схватился с места.

– Как обвинитель, я хочу прокомментировать эксперимент, проведенный советником обвиняемого. С этой целью прошу права задать несколько вопросов свидетелям.

– Суд находит это уместным. Приступайте.

Пресловутые альмерские рыбаки снова занимали свидетельскую скамью. Они выглядели тревожными, но все же более уверенными в себе, чем на прошлом заседании. Очевидно, барон Бонеган устроил им взбучку, а заодно дал посмотреть правильный портрет Адриана – и рыбаки освежили память.

– Свидетели, скажите: какое освещение в вашей церкви в Косом Яру?

– Дык свечи! И несколько лампадок имеется.

– Есть ли искровые светильники?

– Откуда нам такое диво? Нет как нет!

– Верно ли я понимаю, что вы видели портрет владыки только в свете свечей?

– Ну, и при солнце – ежели дело днем, то оно в оконца заглядывает.

– Отличается ли искровый свет здесь, в зале Палаты, от солнечного и от свечного?

– А то! Ясно, отличается. Вон Борода даже слезился с непривычки.

– Ваша честь, я требую повторить проведенный советником опыт опознания, но с поправкою на свет. Предлагаю убрать шторы со всех окон, погасить искровые лампы, а портреты поставить близко к окну – лишь тогда условия опознания будут соответствовать тем, какие имелись утром на реке Бэк. Искра не будет сбивать свидетелей с толку, и они обязательно узнают владыку Адриана.

– Суд одобряет повтор эксперимента.

Франциск-Илиан усмехнулся:

– Помню, сударь Марк, была при моем дворе в Лаэме одна дама. Сгорела до цвета вареной креветки, а уж потом стала носить зонтик от солнца. Очень все над нею потешались...

– Вычеркнуть из протокола эту басню, – приказал судья Кантор. – Приступить к повторному эксперименту.

Трое судебных приставов шустро организовали новый показ портретов. На сей раз рыбаки без колебаний опознали владыку как в военном мундире, так и в светском платье.

– Внести в протокол, что при надлежащем освещении опознание успешно состоялось, – распорядился Кантор. – Советник обвиняемого может продолжить опрос.

Однако Ворон Короны поднял флажок:

– Прошу прощения, ваша честь. Я прошу предоставить обвинению возможность внеочередного опроса свидетелей.

– На каком основании?

– Ваша честь, все действия советника направлены на то, чтобы подорвать доверие высоких лордов к суду. Он совершает выпады, которые, даже будучи отражены, все равно пятнают репутацию суда и обвинителя. Если сейчас мы двинемся дальше, в умах высокого собрания останется убежденность: свидетели врут, они не видели смерть владыки. Все, что будет сказано дальше, потеряет вес. Прошу дать мне возможность прямо сейчас доказать, что свидетели своими глазами видели и шута, и владыку, и удар кинжалом.

Судьи совещались недолго.

– Суд дает обвинителю право опроса.

Марк подал сигнал своим помощникам. Агенты протекции расставили вдоль сцены четыре деревянных манекена в гвардейских мундирах.

– Свидетель Борода, будьте добры, сделайте следующее. Возьмите вот это перо, подойдите к первому манекену и покажите, как был нанесен удар. Остальных свидетелей прошу отвернуться и смотреть в другую сторону, для верности закрыв глаза руками.

Трое рыбаков отвернулись, но Борода озадачился:

– Манкен – это что такое?

– Большая деревянная кукла.

– Агась, уразумел.

Борода исполнил требуемое – встал позади манекена и ткнул пером снизу вверх, около поясницы.

– Теперь поверните манекен спиной к залу.

Борода сделал это, и лорды увидели: кончик пера оставил на мундире чернильную точку.

– Вернитесь на свое место. Свидетель Ларсен, сделайте все то же самое со вторым манекеном.

Второй рыбак, а затем и третий, и четвертый поочередно брали перья, подходили к манекенам, тыкали в спины, разворачивали манекены к залу.

– Теперь, господин секретарь Эмбер, я прошу вас: осмотрите спины манекенов и сообщите, что видите.

Передние ряды и без подсказки Эмбера видели результат: на сей раз свидетели не оплошали. Одна точка легла на поясницу, две – дюймом ниже, четвертая – еще ниже и в сторону. Все отметины помещались в участок размером с ладонь.

– Я вижу, что показания свидетелей совпадают с точностью до трех дюймов, – сообщил Эмбер.

Марк подытожил:

– Такая точность совпадения говорит об одном: свидетели определенно видели удар ножом, и хорошо его помнят. Если бы они измыслили свои показания, как думает господин советник, то не сумели бы так точно повторить одинаковое движение и попасть в один и тот же участок тела.

Зал возбужденно загудел. Пророк, однако, сохранил благостный покой:

– Сударь Марк, я и не ставил под сомнение, что кто-то кого-то ударил ножом. Подлунный мир далек от совершенства, ножевые раны в спину, к сожалению, случаются. Мои сомнения были связаны с вопросами: «кто ударил?» и «кого?»

– Я пролью свет и на это, – с улыбкой поклонился Марк. – Внесите реквизит для опознания оружия.

Агенты протекции вынесли на сцену ширму, за которой поставили невидимый для свидетелей столик. На нем расстелили черное сукно и стали раскладывать блестящие предметы – ножи разных размеров и форм. Ворон тем временем обратился к рыбакам:

– Видели ли вы ранее Вечный Эфес – священный кинжал императора?

– Ну дык в декабре ж, когда его величество скончались.

– А до того?

– Откудава? Мы ж в столицу не ездоки.

– Видели ли вы ранее гвардейский искровой кинжал?

– Это значить такой, каким убили владыку? Ну дык тогда и видели!

– А прежде?

Свидетели поразмышляли минуту и ответили вразнобой, но с похожим смыслом:

– Неа, не видели... Вроде, нет... К нам в Косой Яр, бывало, наведывались рыцари, у них и мечи, и ножи... Но, вроде, не искровые. Верно, без искры, обычные были... А с искрой – только тогда, на вагоне.

Марк удовлетворенно кивнул.

– Ваше величество Минерва, я прошу о помощи.

От неожиданности Мими чуть не поперхнулась кофею.

– Ч-чем могу помочь, сударь?

– Будьте добры, ваше величество, положите Вечный Эфес на столик за ширмой, не показывая его свидетелям.

Она охотно вышла на сцену, заинтригованная и довольная, что смогла поучаствовать в событиях. Вместе с Минервой вышел и капитан Шаттэрхенд – как телохранитель. Мими сняла с пояса Эфес и вместе с ножнами положила на столик, сама же осталась стоять рядом, чтобы хорошенько все увидеть.

– Благодарю, ваше величество. Свидетели, я прошу вас по очереди, один за другим, зайти за ширму. Там вы увидите на столике всевозможные ножи. Выберите из них и отложите влево гвардейский искровой кинжал, каким был убит владыка. Затем выберите и отложите вправо Вечный Эфес императора, ни в коем случае не вынимая его из ножен. Затем вернитесь на место. Приступайте!

Среди рыбаков возникло нешуточное замешательство: они видели, что за ширму зашла императрица, и не видели, чтобы выходила. Значит, ее величество все еще там! Придется стоять прямо рядом с нею!

Пошептавшись, рыбаки вытолкнули первым Бороду. Тот ссутулился, на фут убавил в росте, и тревожно, как многожды битый ребенок, подкрался к ширме. Сунулся туда, ожидаемо узрел владычицу – и согнулся в поклоне так, что едва не стукнул лбом об пол.

– Прошу вас, встаньте и осмотрите кинжалы, – вежливо сказала Мими. От ее слов, обращенных напрямик к нему, Борода смутился еще больше и разогнуться не смог.

– Я отойду, чтобы вам не мешать, – решила Мими и сделала несколько шагов в сторону.

Борода разогнулся наполовину и такой, полусогбенный, подкрался к столику. Когда он, наконец, сумел оторвать взгляд от Мими и обратить его к оружию, то увидел ножи прямо у кончика своего носа. Рыбак довольно быстро опознал гвардейский кинжал:

– Искровой – вроде, вот этот...

– Отложите его влево, – попросила Мими.

Борода потянулся к ножу, как тут увидел Вечный Эфес.

– Матушки святые! Это ж Предмет! Он жеж вечный!..

– Отложите его вправо.

– Как?.. Ваше величество, я не могу!.. Как я отложу? Руками, чтоль?..

Возможное прикосновение к легендарному Эфесу Династии так пугало Бороду, что он заложил обе руки за спину и сжал их в замок.

– Никак не могу, ваше величество! Он жеж святой, а я простой!

– Позвольте, я помогу вам, – Мими подошла к столику, повергнув Бороду в трепет. – Укажите, который из ножей – Вечный Эфес, и я сама отложу его.

Рыбак не смог указать, ибо держал руки за спиной и не смел их выпростать. Тогда Мими стала по очереди касаться разных ножей:

– Это Эфес? Или это? Или это?

Борода испуганно кивнул, Минерва отложила нож в сторону – то действительно был Вечный Эфес.

– А гвардейский искровой нож – этот? Или этот? Или...

– Вот ентот, ваше величество.

Она отложила и его.

– Благодарю, вы можете идти.

Чтобы уйти восвояси, Бороде пришлось бы повернуться спиной к Минерве, а этого он не мог. Рыбак стал осторожно пятиться, при каждом шаге отбивая поклон. Врезался задом в

ширму, чуть не опрокинул ее, почти грохнулся сам, но был в последний миг пойман Шаттэрхендом и отправлен на скамью свидетелей.

– Кажись, сдюжил... – выдохнул он и бессильно ляпнулся на место возле товарищей.

За ним последовали Ларсен, Смит и Джейкоб. Видя на примере Бороды, что вполне возможно зайти за ширму и вернуться живым, они робели чуть меньше. Правда, Ларсен уронил искровый кинжал себе на ногу, а Смит забыл, что надо делать, и принялся молиться. Но с помощью Минервы все недоразумения уладились и опознание было произведено. Трое рыбаков (за вычетом Джейкоба) верно указали искровый кинжал гвардейского образца, и все четверо безошибочно признали Вечный Эфес Династии.

– Премного благодарю за помощь, ваше величество! – Провозгласил Марк. – Не можете ли мне также подвести итог данного опыта?

– С великим удовольствием! – Просияла Мими. – Обожаю подводить итоги.

– Считаете ли вы опознание успешно состоявшимся?

– Конечно, сударь. Лишь один свидетель ошибся только в одном ноже, да и то лишь потому, что я его отвлекала своим присутствием.

– По-вашему, что следует из данного успешного опознания?

– Мы убедились, что рыбаки говорят правду на счет оружия. Они действительно видели Вечный Эфес на поясе Адриана и искровый кинжал – в руках Менсона.

– При всем уважении, ваше величество, – вмешался Франциск-Илиан, – они видели Эфес на чем-то поясе и искровый нож у кого-то в руке. Не доказано, что действующими лицами были Адриан и Менсон.

Мало кто в зале видел, как в этот миг Ворон Короны подмигнул Минерве, передав ей слово. Владычица сказала, своею персоной усилив весомость аргумента:

– Боюсь, ваше величество, что теперь это доказано. Пускай рыбаки затруднились узнать Адриана в лицо, но они видели человека в генеральском мундире и с Вечным Эфесом на поясе. Кто это мог быть, кроме Адриана? Если бы Адриан погиб при крушении, а некто снял с него мундир и Эфес и надел на себя – как он успел бы за считанные минуты после катастрофы?

Франциск-Илиан приподнял бровь:

– Питает ли ваше величество столь же твердую уверенность в личности убийцы? Считаете ли вы, что именно лорд Менсон был на крыше вагона?

– Боюсь, что да. Там был человек в шутовской одежде и с искровым кинжалом в руке. Существует объяснение, зачем шутору брать оружие гвардейца: чтобы убить владыку. Но я не вижу объяснения, зачем гвардейцу наряжаться шутом! И даже если причина найдется – снова-таки сработает время. За несколько минут никак не успеть поменяться одеждой – особенно с человеком, который противится этому.

Франциск-Илиан не сводил с Мими острого, испытующего взгляда:

– И ваше величество знает причину, по которой лорд Менсон убил владыку?

– Нет, ваше величество. А разве я должна? Обязанность суда и следствия – установить все факты. Я лишь сделала логический вывод.

– Вы лишь назвали дворянина убийцей. Слово правителя имеет особый вес. Только что вы заклеили лорда Менсона, поставили на нем печать, которую не смоят даже оправдание в суде. Сама императрица считает его злодеем – кто же он тогда, как не злодей?

Мими замялась, и председатель вскричал, спасая ее:

– Советник не смеет допрашивать императрицу!

– Обвинитель задал ее величеству несколько вопросов, со всею очевидностью взывая к ее авторитету. Теперь я имею аналогичное право. Итак, ваше величество готовы от своего имени, со всем весом своего слова назвать лорда Менсона убийцей? Поставите ли свою честь на это?

– Я ручаюсь за свои выводы.

абсурдны и необъяснимы. Зал с одобрением слушал Ворона. Тот, вдохновленный вниманием, оживленно жестикулировал. Рукав камзола задрался, обнажив часть предплечья Марка. Франциск-Илиан как будто слушал речь, но на самом деле – пристально разглядывал руку обвинителя.

Едва Ворон умолк и отзвучали одобрительные овации, пророк заговорил:

– Позвольте спросить, господин обвинитель: откуда у вас шрам на руке?

– Это не относится к делу, ваше величество, – Ворон одернул рукав.

– Он похож на сильный ожог, либо на след еще худшего ранения. Боги не дали мне лекарского опыта, но мне думается, такой шрам сложно получить случайно.

– Это не относится к делу, – на сей раз произнес судья Кантор. – Суд призывает советника соблюдать порядок и следовать процедуре.

Не уделив Кантору и капли внимания, пророк устремил взгляд на Минерву:

– А вашему величеству известно, как появился шрам на руке человека, представляющего в суде ваши интересы?

– Это не относится к делу, – сухо отрезала Минерва, все еще злая и смущенная.

– Ваше величество знает происхождение шрама и ручается, что он никак не связан с делом? В таком случае, простите за беспокойство.

Франциск-Илиан поклонился с видом смирения. Мими вытерпела секунд десять, затем глубоко вздохнула и обратилась к Марку:

– Сударь, если вас не затруднит, ответьте советнику.

– Ваше величество, я предпочел бы этого не делать.

Повисла короткая пауза, смущение Минервы быстро улетучилось.

– Сударь, я не ослышалась? Вы только что отказали моей просьбе?

– Я лишь имел в виду, ваше величество, что сейчас не время и не место...

– Я не забуду, сударь, а непременно спрошу вас после суда, и вы обязательно ответите.

Разговор состоится с тою лишь разницей, что тогда я буду зла.

Марк глянул на Эрвина и, не найдя поддержки, выдавил:

– Я получил рану в замке Первой Зимы. Меня пытали люди герцога Ориджина.

По залу пронесся шорох голосов.

– Почему они пытали вас? – осведомилась Минерва.

– Я... ваше величество, они нашли у меня яд.

– Вы приехали в Первую Зиму с пузырьком яда в кармане? Собирались кого-то отравить?

– Не собирался, но... я имел такой приказ, ваше величество.

– От кого?

– От владыки Адриана.

– И кто был вашей целью?

– Герцог Эрвин Ориджин.

Голоса сделались громче. Минерва оглянулась, заставив лордов утихнуть.

– Владыка послал вас убить герцога Эрвина?

– Да, ваше величество. Чтобы подавить мятеж в зародыше.

– Но вы решили не исполнять его приказ?

– Я... не думал, что мне представится возможность.

– А если бы представилась, то?..

– Ваше величество, ситуация была неясная. Я хотел сперва поговорить с герцогом, разобраться во всем, а уж потом принимать какие-либо решения.

– Но в ходе разговора герцог заподозрил вас и обыскал, и обнаружил яд?

– Да, ваше величество.

– И бросил в пыточную камеру, где вы и получили шрам?

– Да, ваше величество.

Мими обернулась к Эрвину. Он кивком подтвердил истинность сказанных слов.

– Что ж, сударь, это лишний раз доказывает милосердие герцога. Редкий лорд Полари оставил бы вас в живых. Однако... – она повернулась к пророку, – ваше величество, история любопытна, но я все еще не понимаю, как она относится к делу.

Южный король огладил бороду.

– Ваше величество, протекция сейчас подчиняется лорду-канцлеру, а не вам?

– Мне хватает забот и без протекции. Я благодарна лорду-канцлеру за то, что он взял часть на себя.

– Выходит, это герцог Ориджин назначил Марка и главою протекции, и обвинителем в суде.

– Так и было. Я лишь одобрила выбор.

– Задумайтесь, владычица: Марк собирался убить герцога Ориджина, а тот отдал его на пытки. Но всего полугодом спустя меж ними сложилось такое доверие, что герцог сделал Марка своей правой рукою на важнейшем судебном процессе. На чем строится такое доверие?

Мими умолкла в замешательстве. Франциск-Илиан сказал:

– В те былые годы, которые я отдал власти и двору, я пришел бы к однозначному выводу: Марк боится герцога. Страх заставляет Ворона безоговорочно выполнять приказы, исходящие от лорда-канцлера. В те годы, когда не чуждался дворцовых интриг, я бы задался вопросом: какой приказ отдал герцог Марку, назначая его обвинителем на процесс? Велено ли ему любой ценою уложить лорда Менсона на плаху?

– Я готов дать вам ответ, господин советник, – голос Ворона прозвучал вполне твердо.

Франциск-Илиан повернулся к нему.

– Прискорбно число тех тайн мироздания, что сокрыты от меня... Но человеческая ложь слишком проста и груба, чтобы составлять тайну. Помните об этом, когда начнете говорить.

Не моргнув глазом, Ворон сказал:

– Герцог Ориджин приказал мне добиться справедливости. Я должен дать лорду Менсону возможность оправдаться, если ему будет что сказать в свое оправдание.

Глаза пророка широко раскрылись. Кажется, впервые за весь процесс он услышал что-то действительно неожиданное. Марк продолжил с заметным удовольствием:

– Скажу больше, ваше величество. Я вышел на процесс с изрядными сомнениями в виновности Менсона. На первом заседании я боялся раскрыть рот, чтобы ненароком не потопить невинного бедолагу. Но в ходе слушаний сомнения пропали. Теперь я верю, что шут убил владыку, и вовсе не приказ лорда-канцлера укрепил мою веру, а поведение самого шута!

– Довольно! – Рыкнул председатель Кантор. – Наше терпение исчерпано. Суд делает предупреждение советнику за посторонние беседы и попытки манипуляции ее величеством. Суд делает предупреждение обвинителю за попытку вынести вердикт вместо суда. Не вынуждайте суд принимать крайние меры.

Пикировка прекратилась, Франциск-Илиан и Марк принесли судьям извинения. Кантор выразил удовлетворение.

– Желает ли господин советник возобновить опрос этих свидетелей?

– Я выяснил все, что требовалось. Благодарю, ваша честь.

– Право опроса свидетелей переходит к обвинителю.

Марк развел руками:

– Данные свидетели высказали все важное для сути дела.

– Свидетели могут быть свободны, – объявил Кантор. – Свидетелям рекомендуется остаться в Фаунтерре до окончания слушания.

Как и прежде, рыбаки почитали Минерву окончательной властью и не двинулись с места без ее позволения. Когда владычица подтвердила слова судьи, четверо альмерцев поклонились

до земли, пожелали здоровья ее величеству и всем их светлостям лордам, после чего покинули зал. Кантор объявил перерыв.

Прежде, чем Мими успела спросить Эрвина о его догадках, он ускользнул со своего места. Разыскал Деда, не без труда нашел уединенное место для разговора.

– Милорд, эти двое начали удивлять меня – Менсон и шиммериец. Все характерные для них причуды все равно не объясняют их поведения. Что вы о них думаете?

Дед сказал:

– Я могу думать, к примеру, что у пророка слишком отросла борода. Пожалуй, именно она придает ему излишнего комизма. У кого борода бела и длиною больше фута, тот понимает, что видом стал похож на доброго волшебника из сказки, и становится склонен к шуточкам да фокусам. Укоротить ее вполовину – станет король похож на короля, сразу властности прибавится. А укоротить на три четверти, оставить бородку в пару дюймов, какая вместится под забрало – тут и суровость придет, и воинская честь.

– Благодарствую, милорд, – кивнул Эрвин. – Если надумаю завести бороду, всесторонне учту ваш совет. Но вот что я хотел сказать...

– Вам бы стоило начать, милорд, именно с того, что хотели сказать – дабы собеседник знал желанный для вас ход беседы.

– Я уже понял свою оплошность. Итак, о Менсоне с пророком. Они ведут себя странно, как для обвиняемого с советником. Конечно, я не был на месте обвиняемого, но имею одну догадку: кажется, главная цель обвиняемого – оправдаться. Это согласуется с вашим судейским опытом?

Дед поразмыслил:

– Видел я одного ответчика, он то падал в обморок, то просил передышки, то отсрочки, то поспать – словом, ставил целью затянуть процесс. Позже оказалось, он позвал на помощь своего дядю-богача, вот и тянул время, пока тот приедет в город и подкупит обвинителя. Другой ответчик взял за цель блистать красноречием. Не так ему важно было, что именно говорить, а важна красота и сила слова. Лишь потом я понял: в зале сидела его любимая, он при ней хотел выглядеть умником... Но если брать в большом числе, то да, милорд, по большому числу ответчики желают оправдаться.

– А эти двое – как будто, нет! Менсон не сказал ни одной фразы, которая служила бы его оправданию. Да и само обвинение его не сильно тревожит. Он злится лишь тогда, как речь заходит о мужеложестве. Пока об убийстве – смеется и шутит. Советник же вовсе ведет странную игру: то и дело взывает к Минерве, но невозможно понять, чего от нее хочет. Просил помиловать, она отказала – он не расстроился. Просил распустить суд, она снова отказала – он доволен. Давил, чтобы назвала Менсона убийцей, она назвала – он, как будто, разочарован. К чему он стремится – вы понимаете?

– Милорд, я знаю историю, весьма подходящую к случаю. Но не расстроит ли вас ответ посредством истории?

– Почему вы об этом спросили? Обычно ведь не спрашиваете.

– Мы в здании Палаты, милорд.

– Ах, да, верно! Как я не подумал... Что ж, я готов и в Палате выслушать вашу притчу.

– Однажды Джек-Плотник ходил по базару и хотел купить мышей. Подошел к одному торговцу, тот ему: «Джек, купи кота! Отличный кот – хвост трубой, глаз фонарем, коготь бритвой, а мурлычет так, что в доме покой и дети спят». Джек в ответ: «Кот у меня имеется, а вот мышей нету. Мне бы мышей купить». Двинулся дальше. Второй торговец говорит ему: «Джек, купи собаку! Пес что надо: скажешь сидеть – сидит, скажешь спать – спит, скажешь лаять – стекла звенят. Бросишь палку – принесет. Бросишь коромысло – принесет. Дашь коромысло с двумя ведрами – и то несет, только надо слева чуток помочь. Купи пса, отличный пес!» Джек

в ответ: «Есть у меня пес. Вот мышей бы купить...» Подошел к третьему торговцу, тот ему – козу: «Купи козу, Джек! Уж на что прекрасная – глаза выплачешь от счастья! Вот послушай...» Джек оборвал на полуслове: «Есть у меня коза, мне бы мышей!..» Торговец ему: «Я так и знал, что пригодятся! Нарочно для тебя припас десяток мышек». Джек: «Хорошие?» Торговец: «А то!» Джек: «Скребут?» Торговец: «За ночь половицу насквозь!» Джек: «Пищат?» Торговец: «Пищат так, что и глухой не уснет!» Джек: «Зерно жрут?» Торговец: «Зерно жрут, хлеб жрут, сыр жрут, мясо, картошку, яйца – все жрут. Вчерась моего петуха загрызли и сожрали – потому продаю. Иначе б себе оставил». Ну, Джек раскошелился, уплатил как надо и понес мышей домой. Торговец ему вслед: «А зачем они тебе?» Джек отвечает: «Выпущу дома, кота проверю. Если переловит – знать, не зря сметану ест».

* * *

После обеденного перерыва Ворон вызвал своих оставшихся свидетелей: кайра Хайдера Лида, личного лекаря владыки Адриана и агента протекции Рыжего.

Кайр описал, как по приказу лорда-канцлера провел поиски вдоль берегов Бэка и в двух милях от места крушения поезда обнаружил мертвое тело императора. Тело было предварительно опознано графом Эрроубэком и агентом протекции Итаном, уложено в гроб, опечатано и отослано в столицу поездом, под личной охраной кайра Лида. Подмена гроба в дороге совершенно исключена, так что на опознание к лекарю попало то самое тело, которое было найдено на берегу Бэка.

Минерва вмещалась чтобы спросить, где сейчас Итан и придет ли он на заседание. Кайр Лид ответил, что агент Итан по личным причинам был вынужден покинуть Фаунтерру, но его показания не обязательны, ведь теми же самыми знаниями обладает и сам кайр Лид. Во время опознания и отправки тела они постоянно были вместе.

Франциск-Илиан задал вопрос о том, кто именно обнаружил тело. Кайр ответил: владыку нашли местные крестьяне. Тело находилось в заливе, ярдах в двадцати от берега, вмерзшее в лед. Крестьяне вышли на лед, чтобы сделать прорубь для рыбалки, смели снег и увидели жуткую картину. Целую неделю мужики не могли решиться, что делать с важным покойником в генеральском мундире. На счастье, тут появились кайры и сняли с крестьян это бремя.

Пророк спросил, где были найдены остальные тела погибших в поезде. Ответ гласил: либо внутри поезда, либо в пределах одной мили ниже по течению. Тело Адриана увлекло течением значительно дальше и отнесло в боковой залив. Именно потому его не могли обнаружить так долго. Может ли кайр объяснить, почему труп Адриана повел себя иначе, чем остальные? Возможны два объяснения: либо тело покойного проплыло часть расстояния на деревянном обломке вагона, либо при падении в воду владыка был еще жив и барахтался из последних сил, а только позже утонул.

– В таком случае, кайр, не скажете ли, почему владыка не выплыл на берег, а до самой смерти греб вниз по течению?

– Не имею понятия, господин советник. Я докладываю, что видел, и не строю догадок.

– Вероятно, существовала причина, мешающая владыке выйти на берег? Например, некая опасность ждала его на берегу и вынуждала плыть дальше?

– Если была опасность, мне о ней ничего не известно. Я проводил допрос свидетелей из числа рыбаков, они не докладывали ни о какой опасности на берегу. Господин советник, мне кажется более вероятной первая версия: труп зацепился за обломок древесины и потому уплыл далеко. Сомневаюсь, что после искрового удара владыка не только выжил, а еще и сумел проплыть целую милю в ледяной воде.

Тогда Франциск-Илиан спросил:

– Кайр, вы получали приказы лично от герцога Ориджина?

– Так точно.

– Повторите-ка ваш приказ дословно.

– Это не относится к делу! – вмешался Ворон.

– Не вижу препятствий для ответа, – благосклонно кивнул Лид. – Герцог Ориджин велел мне провести тщательное расследование, найти тело владыки Адриана и с предельной точностью выяснить обстоятельства его смерти.

– Приказывал ли герцог скрыть что-либо от этого суда?

– Никак нет. Я убежден, что милорд не мог отдать столь противозаконного приказа.

– Можете поручиться в этом?

– Клянусь Светлой Агатой!

Пророк удовлетворился и позволил вызвать следующего свидетеля. Им был личный лекарь владыки Адриана. Он принес с собой большой рисунок скелета, на коем и показал лордам Палаты решающие признаки опознания: два зуба владыки, заключенные в коронки, и дефект левой берцовой кости, оставшийся после неудачного учебного поединка. Лекарь сообщил, что, к великому сожалению, черты лица покойного были слишком повреждены и исключали опознание. Но рост, цвет волос, размер бородки, форма ладоней, длина пальцев совпадали с его величеством. А зубы и берцовая кость устраняли последние сомнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.